

ББК 84.7 Чил

Серия «*VASA INIQUITATIS*» («СОСУД БЕЗЗАКОНИЙ»)
является совместным проектом издательств
KOLONNA Publications и МИТИН ЖУРНАЛ

ISBN 5-98144-87-2

Alejandro Jodorowsky
El tesoro de la sombra

*Благодарим агентства Mercedes Casanovas (Барселона)
и «Права и переводы» (Москва) за содействие в приобрете-
нии прав на эту книгу*

В оформлении обложки использована картина Фреда Томазелли
«Грибы и цветы» (2002)

Редактор: Д. Волчек

Руководство изданием: Д. Боченков

Обложка: В. Горбунова www.viktoria.ru

Верстка: А. Ефремова

©Alejandro Jodorowsky, 2003

©Ediciones Siruela, S. A., 2003

©Владимир Петров, перевод, 2006

©Kolonna Publications, 2006

©Митин Журнал, 2006

Алехандро Ходоровский

**СОКРОВИЩЕ
ТЕНИ**

притчи и сказки

*Перевод
Владимира Петрова*

ПРОЛОГ

Торговец перед смертью заставляет отлить из бронзы свою статую и объявляет в завещании: «Вы найдете зарытое сокровище там, куда падает тень от моей статуи». Целый год его сыновья безостановочно роют землю. Но тень постоянно указывает разные места, в зависимости от перемещения солнца по небу. Поиски тщетны – до того дня, пока, ровно в двенадцать, сообразительный слуга не разбивает пьедестал молотком и не находит сокровище... Вдохновленные этой историей, мы постарались изъясняться как можно короче.

1. ПОЗНАНИЕ

Он стоял среди пустыни. Посмотрел направо – и слева от него возникло дерево. Он повернул голову налево – и дерево исчезло, чтобы вырасти справа от него. Он глянул назад – дерево появилось спереди. Он бросил взгляд вперед – дерево выступило из земли сзади. Он закрыл глаза, чтобы увидеть, не окажется ли оно внутри него. И превратился в это дерево.

2. ВИДЕНИЕ ИЗБРАННОГО

«И явился господь Авраму»... Аврам увидел Бога. Иными словами, он увидел то, что обычно, и ничего больше. Просто ему стало ясно: все, что он видит – земля, растения, животные, люди, – есть на самом деле Бог.

3. ЯСНОВИДЕЦ

Ежедневно в двенадцать часов с неба падает камень – прямо на голову ему. В конце концов, он решает, что виной тому он сам, поскольку за минуту до полудня говорит: «Повелеваю, чтобы с неба упал камень и разбил мне голову».

4. ОШИБОЧНАЯ ТЕОРИЯ

Философ, который не мог идти, потому что наступал на свою бороду, отрезал себе обе ноги.

5. БЕЗУМНЫЙ ИДЕАЛ

Лучник решил попасть в луну. Ночь за ночью он без устали пускал стрелы в светило. Соседи стали насмехаться над ним. Невозмутимый, он продолжал пускать стрелы. В луну он так и не попал, зато сделался лучшим в мире лучником.

6. ПРИНЦИП ПИРАМИДЫ

Он расфасовал экскременты, искал доверчивых людей и убедил их купить этот товар, чтобы те продали его будущим клиентам, убедив их при помощи точно таких же доводов. Такая система вызвала множество перепродаж, пока нечистый продукт не породил заразу, истребившую всех.

7. СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ

Его приговорили к повешению. Он попросил, чтобы ему подарили пару свинцовых башмаков.

8. ИСПОЛНЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Он воззвал: «Господи, пусть у меня останется только принадлежащее мне...». И исчез!

9. НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Гроб горько жаловался: «Нелегка наша судьба: кто делает нас, тот нас не любит, кто покупает нас, тот не использует, а кто использует – никогда нас не видит!»

10. ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Пусть смерть будет моей прихотью.

11. РАЗРЫВ

...И увидев ее в последний раз, он понял, что видел ее в первый раз.

12. ВСТРЕЧА

Рано утром он увидел, как кто-то идет к нему издали. Сперва он подумал, что это дикое животное; потом – что это человек, и, конечно же, убийца. По мере того как странное создание приближалось, он видел в нем крестьянина, своего друга, своего брата, пока наконец – в полдень – не понял, что это его собственная тень.

13. СВОБОДА

Дерево решило отправиться в путешествие. Сумев отделиться от земли, оно поняло, что его ветви – это корни, уходящие в небеса.

14. УДИВЛЕНИЕ

Той ночью вор был доволен. Никто не сторожил темный дом. Вор взломал дверь, проник внутрь и набил свой мешок сокровищами. Затем побежал прочь, не оглядываясь. Очутившись в безопасности, он повернул голову... и тогда понял, что ограбил собственный дом.

15. ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ

Стуча ногами, он внезапно понял, что его гроб - это яйцо.

16. ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ

Они отправились на поиски истины. И нашли того, кто выдумал их.

17. БОЕВОЕ ИСКУССТВО

Однажды непобедимого воина спросили, почему он ходит по улицам с таким смиренным видом. Тот вытянул руку и ответил: «Мои пальцы – это пять князей. Все пятеро склоняются передо мной». Потом он сжал пальцы в кулак: «Чем смиреннее они выглядят, тем больше силы придают мне».

18. ЛУЧНИК

Снова и снова стрелы пронзают тело лучника.
Лучник осознает свою подлинную сущность:
он – добыча.

19. СОКРОВИЩА

Он обладает несметными сокровищами, что хранятся в крепости без окон. Навещает их, всегда поздно вечером. С маленькой лампой в руках входит в одну из многочисленных комнат, набитых драгоценными вещами; лампа освещает лишь две-три из них. Он удаляется, бормоча удовлетворенно: «Сегодня я стал богаче».

20. МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Безумец не переставая жаловался, что за ним гонятся по пятам. Вместо того чтобы спокойно сидеть на месте, он бежал, пока не свалился замертво от усталости.

21. МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Ваятель гипсовых статуй берет Христа, чтобы отнести его в церковь. Проходя по улице, он замечает, что горожане простираются ниц перед ним, и думает, что все прославляют его. Он чувствует себя божеством. Разбивает статую и распахивает объятия. И не понимает, за что в него летят камни.

22. ПОЭТ АДАМ

Он пожелал сказать «огонь» – из его рта вырвался язык пламени. В ужасе он сказал «пчелы», и оттуда вылетел пчелиный рой. Став осторожнее, он прошептал «пшеница» – язык покрылся семенами. Он пытался сказать «алмазы», «жемчуг», «золото», но все это появлялось вместе с тарантулами, тиграми, испражнениями. После многочасового молчания он решил точнее выразить свои фантазии и воскликнул «Ева!». Челюсти свела острая боль, рот стал растягиваться все шире и шире. Когда голова с пышной шевелюрой стала выламывать ему зубы, он остался без дыхания и вслед за тем – без сознания. Прекрасное женское тело, сотворенное из костей и плоти первого мужчины, покинуло пустой кожный покров.

23. ЛЕНИВЫЙ

Зная, что он рожден произвести на свет бабочку, червяк – пока его сородичи трудились, заворачиваясь в плотные коконы – стал подпрыгивать как можно выше, рассчитывая обзавестись крыльями без особых усилий.

24. БЫТИЕ

От следствия к следствию, Богу удалось наконец создать причину, и та немедленно вырвала из-под него престол.

25. КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

Он был влюблен не в нее, а в ее тень. И приходил на рассвете, когда его возлюбленная была выше ростом.

26. АРОМАТ ГЛАЗ

Пчелы беспрестанно преследовали его, намереваясь, похоже, выколоть ему глаза. Рой вился у его век – во время нападения он держал их плотно прикрытыми. «Я болен, мои глаза выделяют вещество, привлекающее пчел!» – воскликнул он и отправился к старику-окулисту. Опытный врач осмотрел его с большим изумлением. «Вместо глазных яблок у вас цветы! Две белые розы!» – «Значит, пчелы не хотят вонзить в меня свои жала?» – «Нет, парень. Они хотят только пить нектар твоих слез». – «Есть какое-нибудь лекарство против этого?» – «Перестань считать себя больным! Мир наполнится ароматом твоего взгляда!»

27. НЕЖДАННЫЙ ПРАЗДНИК

Обезглавленный труп пускал фейерверки через шейное отверстие.

28. МЕЧТЫ О ВЕЛИЧИИ

Несколько веков они сооружали собор. А когда закончили, то посчитали, что внутри здания найдут Бога. Они безуспешно искали его и в конце концов поняли, что Он находится не внутри святилища, а в камнях его стен. Тогда они забросили исполинское сооружение и стали поклоняться булыжнику.

29. БЫТЬ И КАЗАТЬСЯ

Эта тень усердно трудилась большую часть своей жизни, лишая себя удобств и удовольствий. Наконец, она скопила достаточно денег, чтобы купить себе тело из костей и плоти. Немало гордясь, она поставила его на ноги и заставила проделать всевозможные бесполезные вещи, чтобы похвалиться своим приобретением перед другими тенями. Те же, устав за многие года управлять своими телами, ограничивались обыденными, легкими для исполнения движениями.

30. DE PROFUNDIS

Удар кинжалом поразил не самого человека, а его тень. Победив в себе желание согнуться, она, страдая от боли, последовала за ним по всему свету. Но, потеряв прежнюю ловкость, она путалась у него под ногами. Тогда он резко отшвырнул прочь свою верную прислужницу и пошел дальше в сопровождении новой тени. Старая же, брошенная в углу, съеживалась вокруг мучительной раны, которая мало-помалу превратилась в жемчужину.

31. ОПАСНОСТИ УЧИТЕЛЬСТВА

Будда, в присутствии почтительных учеников, проповедовал, опираясь ногами на спящего тигра. Вскоре зверь открыл глаза. Тогда Будда, будучи всего лишь видением хищника, исчез. Плотоядный тигр пожрал всех монахов.

32. НЕБО ДРУГИХ

Серым осенним вечером в воздухе порхала синяя муха, ощущая себя всем небом сразу. Сколько насмешек испытала она, тщеславная, со стороны других мух! И, устыдившись, села на мусорную кучу. Однако с приходом ночи ее тельце покрылось звездами.

33. ИСТИННОЕ ЧУДО

Один человек переоделся в Христа, забрался на дерево и криками подозвал обитателей деревни, объявив им, что он – сын Божий и станет творить чудеса. «Я прыгну отсюда и полечу, как орел». Он ринулся вниз, упал на землю и сломал себе ребро. Жители деревни осыпали его оскорблениями, окрестив самозванцем. С трудом поднявшись, тот сказал им: «Имейте веру в меня, я бы полетел». Ему ответили: «Сначала полети, а потом уж мы уверуем». Пролетавший мимо попугай услышал этот спор и сказал: «Никто не имеет веры в меня, но я летаю. И хотя я летаю, никто в меня не верит...». Но народ, занятый побиванием камнями Христа, не обратил на него внимания.

34. ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

Он простился с собой, рыдая... И встретил сам себя в конце пути.

35. ОБМАН

Когда он понял, что его жена блуждает в снах другого, то стал проникать в ее тело с помощью простой отмычки, словно вор.

36. HAPPY END

Когда настал смертный час, он решил затеряться в гуще праздника, чтобы ноги танцующих пар затоптали его в грязь, как в могилу, и никто бы этого не заметил.

37. ГЛАЗА, КОТОРЫЕ НЕ ВИДЯТ...

Безумец, видя, как нормальный человек идет ночью, с трудом освещая себе путь, чтобы не раздавить муравьев под ногами, сказал ему: «О благородный муж, я могу разрешить твою проблему: погаси фонарь, иди в темноте, и совесть не будет терзать тебя!».

38. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ СТРАСТИ

Когда возлюбленная сбежала с другим, на его теле образовалась глубокая рана от шеи до пупа. Он боролся с болью, пока рана не зарубцевалась. Женщина, раскаявшись, вернулась к нему. Он сорвал присохшую корку, которая обратилась в шпагу, и с ее помощью снял с женщины кожу.

39. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Как только он научился пользоваться разумом – умея еще разве что есть да спать – он начал не переставая рыться в архивах. Он знал, что его предки потеряли документ, где объяснялся смысл жизни. И умер, не найдя документа и не изведав жизни.

40. БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

Он бросился в пламя, потому что без него она, в общем-то, могла жить.

41. ВИРУС

Пресвятая Богоматерь, излечи этого ребенка. Он всегда ходит по воздуху, совсем не хочет касаться земли. Он парит внутри дома, как воздушный шар, что не очень-то удобно для гостей, ведь он в любой момент может помочиться им на шляпу или испачкать одежду чем-нибудь похуже. Он творит дурацкие чудеса: умножает число пауков и крыс. Еще он скверно пахнет, потому что его невозможно вымыть: он не желает входить в воду и упорно стоит на ее поверхности. Вчера он вернул к жизни жареного цыпленка. Без перьев и головы, тот до сих пор бегаёт по дому, а за ним гоняются коты. Сделай его нормальным, обожаемая Дева, чтобы он не вернул зрение всем развратникам! Те, кто были слепы, теперь с выпученными новообретенными глазами прилипают вечером к моему окну, когда я снимаю нижние юбки. Услышав, что мы жалуемся на засуху, он заставил дождь пролиться над солеварней. И что еще хуже, Непорочная Матерь, во время причастия он обратил просфоры в колбаски, чтобы напитать нищих. Молю тебя, милосердная Дева, избавь его от вируса святости!

42. СВОБОДА

Свободный человек шел по дороге, рядом пролегла еще тысяча других. Он мог избрать любую, но не сделал этого, а предпочел идти по своему изначальному пути.

43. ФИЛОСОФ

Он прогуливался ночью с прожектором мощностью в пять киловатт, пытаясь уловить тайну тени.

44. НЕУДАЧНОЕ САМОУБИЙСТВО

Устав от жизни, бессмертный вскрыл себе вены. Хотя вся жидкость вытекла из них, он не умер. И теперь, куда бы он ни пошел, за ним красной тенью следует вся его кровь.

45. ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Из фабричной трубы шел зловонный дым, пропитывавший деревню. Ее жители, устав от вони, перекрыли национальную дорогу с лозунгами протеста. Власти были вынуждены прислушаться к ним, но перенести производство или закрыть его, как того требовали демонстранты, означало бы для правительства тяжелую потерю. Министр экономики нашел идеальное решение: посредством простой операции в носу жителей деревни лишили обоняния.

46. САМАЯ ВЕРХНЯЯ НОТА

Оперная певица тщетно пыталась вывести прекраснейшую из всех нот. Усилия ее были так велики, что сердце не выдержало. Позже к ее трупку сползлась армия червей, с легкостью издавшая искомую ноту.

47. ПРОБЛЕМА-РЕШЕНИЕ

– Учитель, как добиться изменений? Мне так хотелось бы делать все время одно и то же!

– Глупец, делай все время одно и то же – и ты будешь беспрестанно меняться!

48. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Голодный, он нашел немного высохших костей. Отчаявшись от голода, он кинулся на кости и принялся их сосать. Он высасывал их дни и ночи, но костный мозг все не заканчивался. Насытившись, он решил потереть себя по животу, но живота не обнаружил. Тогда он понял, что является духом мертвеца, а эти кости – его собственный скелет.

49. ЗЛАЯ УЧАСТЬ

Пробираясь по лесу, он наткнулся на спящего льва. Рухнув перед зверем на колени, он забормотал: «Не ешь меня, прошу». Тот продолжал храпеть. Человек повысил голос: «Не ешь меня, прошуууу». Лев не откликнулся. Дрожа, человек раздвинул его челюсти и приблизил свое лицо к звериным клыкам, чтобы вновь прокричать свою просьбу. Бесполезно. Животное не просыпалось. В истерике он стал пинать льва в зад: «Не ешь меня! Не ешь меня! Не ешь меня!». Лев пробудился, бросился на него и стал в бешенстве пожирать. Человек застонал: «О моя злая участь!»

50. КОШМАР

Старый мудрец с воплем проснулся. Ему приснилось, что окружающий мир и вправду существует.

51. ПСИХОМАГИЯ

Двадцать восемь дней она носила во влагалище портрет отца и извлекла его, лишь когда начались месячные. Свернутый в трубку портрет напоминал красную сигару. Она отослала его матери с запиской из трех слов: «Возвращаю его тебе».

52. ОДЕРЖИМЫЙ

Человек, считавший, что в нем никто не обитает, понял в конце концов: в нем обитает человек, считающий, что в нем никто не обитает.

53. ПОСЛЕДНЕЕ СЕМЯ

Землю – от горных вершин до морского дна – устилал покров из серого пластика. Однажды, в сундуке, куда никто не заглядывал столетиями, некий человек нашел семя – последнее на планете. Он побежал по улицам с гладкой поверхностью, показывая его всем, будто фонарь. Компьютеры объявили тревогу. Гигантский робот вычислил восторженного счастливчика и в несколько секунд оказался рядом, чтобы раздавить его многотонной ногой. Расплющенное тело проникло сквозь защитный покров и оказалось под землей. Специальные машины заделали дыру, выплевывая серый пластик, и людской муравейник вернулся к своим каждодневным делам. Однако семя проросло сквозь останки, под холодным пластиком. Вскоре земля была усеяна корнями. Могучая поросль, безудержно распространяясь, взломала скорлупу и наводнила города. Тогда люди вновь обрели память.

54. ТРУС

Прячась от врага, он всю жизнь крался позади него.

55. ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

Лягушка с короной на голове сказала принцу: «Поцелуй меня, пожалуйста». Принц подумал: «Это животное заколдовано. Оно может превратиться в прекрасную принцессу, наследницу трона. Мы поженимся, я стану богат». И поцеловал лягушку. В тот же миг он обратился в склизкую жабу. Счастливая лягушка воскликнула: «Любимый, ты так долго был заколдован, но наконец я спасла тебя!».

56. ОБРАТНО ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫЕ

Некий господин тратил все свои силы на коллекционирование различных предметов. Другой решил избавиться от тех предметов, которыми обладал. Когда их не осталось, он начал избавляться от движений, идей, воспоминаний, чувств, которые счел бесполезными. Так он пришел к полной неподвижности. Коллекционер взял его и поставил в большой шкаф, среди прочих предметов.

57. НИКТО НЕ ЗНАЕТ, НА КОГО ОН РАБОТАЕТ

Абдулу сказали, что на оазис посреди пустыни упадет луч и осветит того, кто там окажется. Абдул уселся и принялся ждать. Шли часы, дни, месяцы, годы, - и наконец он воскликнул в отчаянии: «Я глупец! То была ложь! В это место никогда не упадет луч!». Он сел на своего верблюда и вернулся в город. Пришел изгой и накинулся на остатки еды Абдула. В этот миг упал луч и осветил его.

58. БЕГЛЕЦ

Когда к нему приблизилась гигантская белая акула, он пустился от нее вплавь. «На помощь, меня хотят пожрать!» С этого дня всякий раз, когда рыбак устремлялся в море за устрицами, хищник преследовал его. И так годы подряд, в каждом месте, в любое время. Рыбак состарился. Однажды, когда рыбак нырял в воду, чудовище вновь приблизилось к нему. Старик употребил на бегство последние силы. В агонии он понял, что не может добраться до пляжа, и поплыл на спине. Акула приблизила свою жуткую морду, высунула язык, положила ему на грудь золотое кольцо с большой жемчужиной. Прежде чем удалиться, она сказала: «Морской царь послал меня вручить тебе это волшебное кольцо, потому что ты никогда не убивал морскую живность напрасно. Ты можешь пожелать чего угодно, и это исполнится. Жаль, что ты не захотел получить сокровище раньше».

59. ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ

Хромой танцор открыл академию танца. Он заставлял учеников подвязывать одну ногу к плечу под тем предлогом, что плясать на двух ногах отвратительно.

60. СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ

«Ты – мой, и я сокрушу тебя, если захочу», – говорила ему мать. Когда она умерла, он ощутил удар в грудь, ее кукольное тело повалилось наземь, рассыпавшись на куски, и он остался один, превратившись в пятидесятилетнего господина.

61. ШУТ

– Учитель, различие – самое прекрасное из всего, что есть в мире. Поэтому я думаю, что Бог должен предаваться отчаянию: все неотлично от него.

– Счастье для него, что ты ни в чем его не напоминаешь.

62. КЛЕТКА

Он решил сделать шаг вперед – и наткнулся на невидимую стену. Он решил сделать шаг назад – то же самое. Он пощупал сверху, снизу, сбоку: оказалось, он заключен в хрустальную клетку. Он стал наносить удары, не теряя надежды, бил несколько раз в одно и то же место; наконец, послышался треск, кулак его прошел сквозь холодную поверхность стены. Он стал прокладывать себе дорогу – и вышел наружу. Счастливый, улыбающийся, свободный, он шагал, пока лоб его не уткнулся в невидимую стену. Он внутри клетки размером побольше! Тогда, утешая себя, он подумал: «По крайней мере, эта клетка больше и все еще растет! Однажды она разрастется настолько, что исчезнет!». Но клетка не росла: уменьшался он сам.

63. ВНУТРИСНАРУЖИ

Он пересекал пустыню. Он не знал, принадлежит ли ему тело, несущее его. Телу не надо было приказывать: оно двигалось по прямой, мерными шагами, в неизменном ритме. Пустыня простиралась до горизонта. Горло его пересохло, язык распух, но эта боль не была его болью. Он вдруг проснулся внутри чужого организма, шедшего по пустыне без всякой одежды. Может быть, если снова заснуть, то удастся вырваться. Он попробовал. Безуспешно. Он захотел, чтобы шаги прекратились. И опять ничего. Он напрягся, пытаясь сконцентрироваться в едином атоме, чтобы меньше соприкоснуться с этой телесной тюрьмой. Это получилось. Пройдя бесчисленное количество километров, тело чихнуло. Он вылетел через ноздрю. Его поглотил песок, миллионы миллионов кубометров песка. Теперь его тюрьмой стала пустыня, бесконечная, плоская, без животных и растительности, — одно только человеческое тело вышагивало по прямой.

64. СОХРАНЯЮЩИЙ

Он пытался упаковать живого слона, но шкура все время рвала бумагу. Ему посоветовали убить животное, на что он возразил: слон испортится, а он намерен хранить его всю жизнь.

65. ОТСУТСТВИЕ

- Учитель, где Бог?

- Прямо здесь.

- А рай?

- Прямо здесь.

- А где ад?

- Прямо здесь. Все здесь. Настоящее, прошлое будущее, - все это прямо здесь. Здесь жизнь и здесь же смерть. Здесь сходятся противоположности.

- А где же я?

- Ты - единственное, что не находится здесь.

66. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

У ребенка в руках стакан с водой, но он не хочет ее никому давать: «Это мое!». Его дед, взяв кувшин, полный драгоценной жидкости, улыбнулся: «Одолжи мне свой стакан». – «Хорошо, только верни его быстро». Старик вылил воду из стакана в кувшин и протянул его внуку: «Если сможешь сказать, какая вода здесь твоя, забирай ее назад».

67. НОСТАЛЬГИЯ

Он пятился и поэтому думал, что возвращается.
На самом деле он двигался вперед, только спиной.

68. УЗНИК

Он попытался соорудить себе тюрьму, но стены треснули, крыша обвалилась, балки переломились. Он захотел надеть на себя наручники, но замки заржавели, металл рассыпался в прах. Он связал себя веревками – они сгнили. И все же, тщетно стараясь удержать все в целости, он возглашал: «Свободы нет!».

69. БЕСПАМЯТНЫЕ ПАУКИ

Неизвестно почему пауки забыли, как ткать паутину. Они сильно оживились, лапы их заметно окрепли, и пауки начали рыть себе подземные жилища. Но такая подпольная жизнь им не нравилась. Они ощущали неистребимый зуд в лапках, беспрестанно двигали ими, словно плетя сети. И вот пауки стали ткать паутину не круглую, не липкую, не прозрачную, непригодную для ловли насекомых и гордо назвали ее «Тайной паутиной». Ее хранили в музеях, потом в храмах. Наконец, один из пауков обрел память и, укрывшись в уголке центрального туннеля, стал плести паутину круглую, липкую и прозрачную. Сородичи устроили ему грандиозный скандал, уничтожили «кощунственную сеть», а самого паука бросили в каталажку за попытку загрязнить город.

70. ВЕЛИКОЕ ЭГО

То был упрямый гуру: умирая, он каждый раз затем возрождался в собственном трупe.

71. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Он доставал голубей из цилиндра, хотя и не был фокусником. Новый Мессия не мог жить, не творя чудес; и вот, чтобы его не убили, он прикинулся цирковым магом. Публика аплодировала, когда он превращал воду в вино и умножал количество хлебов и рыб, ибо верила, что это трюки.

72. ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА

Жили-были женщина, переодетая женщиной, и мужчина, переодетый мужчиной. Когда они встретились, оба поверили в эту комедию и сошлись друг с другом. Лжемужчина и лжеженщина путем невероятных усилий достигли тяжелого наваждения, которое и посчитали счастьем. Подлинные мужчина и женщина так и не познакомились.

73. РЕЛИКВИИ

После смерти святого тело его не разложилось. Ему отрезали ногу, язык, извлекли поджелудочную железу и несколько костей, дабы отправить эти реликвии в различные храмы. Труп начал рыдать не переставая. Жалобы его сделались такими громкими, что уже не было слышно ни проповедей, ни обеден. Пришлось собирать части тела по церквям. Это вызвало подлинные сражения, ибо прихожане не желали отдавать столь почитаемые останки. В одной из таких схваток поджелудочную железу, упавшую на пол, пожрали собаки. Нетленное тело теперь было не восстановить во всей целости. Искалеченный святой по-прежнему предавался жалобам. Ему заткнули рот кляпом, но его громкие стоны сотрясали стены храма. В конце концов, его переодели дьяволом и выставили у входа, приковав к ноге победоносной каменной Мадонны. Верующие, входя в церковь, посылали ему плевки и проклятия.

74. СЕКРЕТ ВИНА

Земля поглотила кровь Авеля, сохранила ее в своих внутренностях и после потопа произвела на свет лозу. Ной сделал вино и, выпив его, приобщился к тайне несчастного. В опьянении он постиг наслаждение смертью, которая есть Божья ласка.

75. ПАЦИЕНТ

Совершенно здоровый человек вдруг испугался, что у него заболят руки. Он посетил врача. Тот после долгого обследования заключил: «Единственное, что можно сделать, чтобы навсегда избежать заражения, — это отрезать их!». Так и поступили. Спустя некоторое время безрукий вдруг испугался, что у него заболят ноги. И снова врач посоветовал ампутацию в качестве превентивного средства. Человек-обрубок, страшно боясь, что инфекция проникнет ему в позвоночник, снова напросился на консультацию. Хирург отрезал ему голову, подключил к аппарату, действовавшему как искусственное тело, а настоящее сжег. Теперь человек был счастлив, не боясь подхватить заразу. Но однажды доктор услышал, как он плачет. На вопрос «почему?» голова ответила: «Я так хочу поваляться голым на травке!».

76. ШПИОН

Куда бы он ни шел, везде оказывался тот. Он устал из-за того, что Бог всегда следит за ним. Хотелось немного личной жизни. Но как поступить? «Я буду становиться прозрачным, пока не сделаюсь совсем невидимым». И он перестал думать, чувствовать, помнить... Без толку! Всегда, везде Господь взирал на него. Он заключил из этого, что единственный способ устроить личную жизнь – уйти в небытие. Он исчез. Бог тоже.

77. УХОД ЗА ЖИВОТНЫМИ

Кармен и Хуан были милой бездетной парой и очень любили животных. Однажды, холодным вечером, к ним привязалась собака, выпрашивая еду. Они сжалились над ней и дали ей приют. Пришли еще три собаки. Их тоже подобрали. В доме оказывались все бродячие собаки, проходившие мимо. Наконец, их стало сто. Друзья перестали заходить, потому что такая куча животных мешала общению. Все свои деньги Хуан и Кармен теперь тратили на собачий корм. Им пришлось заниматься, чтобы накормить зверей, которые еще и размножались. Однажды, обремененные долгами, они увидели, что еды нет – ни для них, ни для псов. Пришлось голодать. Собаки, изголодавшиеся, разъяренные, пожрали семейную пару.

78. МАТЬ ТОЛЬКО ОДНА?

У сына шизофренички было семь матерей.

79. ДРОВА – НЕ ЗНАЧИТ ПРАВА

Дождь лил как из ведра. Бродячий пес, дрожа от голода и холода, укрылся под навесом. Фермер прибежал к дому из сарая, неся охапку дров. Он пнул дверь ногой, жена открыла и впустила его. Пес наблюдал за этим – и решил, что он кое-что понял. Он устремился к сараю, подобрал полено, дотащил его до двери и постучал в нее передними лапами. Вышла женщина, вырвала у пса полено и прогнала его прочь!

80. ВОРОНИЙ РЕСТОРАН

Вороны решили открыть ресторан и подавать там свое любимое блюдо – сыр. Соорудили навес из ветвей, клювами выдолбили деревянные блюда, украли молока у коров, карканьем возвестили об открытии заведения. Сошлось множество животных, исходивших слюной в ожидании сыра. На кухне вороны мешали, сбивали, выжимали, процеживали, получая драгоценную массу. Все хотели попробовать! После дегустации осталась только половина. Ее разделили на равные порции, каждая ворона должна была обслужить одного клиента. По пути из кухни в зал птицы не могли удержаться, чтобы не проглотить кусочек, и еще, и еще. В конце концов, на красивых скатертях оказались пустые блюда. Изголодавшиеся посетители разнесли ресторан на куски.

81. ВЕРА

На далеком берегу жил туземец, промышлявший рыбной ловлей. Устав жить в нищете, он набрал полную корзину морских ежей и понес на продажу в ближайшую деревню. Он шел столько времени, что, когда добрался, покупатели уже разошлись с рынка. Утомленный дорогой, он заснул возле своей корзины. Разбудил его незнакомец – черноволосый, прекрасно одетый, – и предложил за товар серебряную монету. С ним была странная женщина с длинными зелеными волосами. «Приятель, такие волосы, как у твоей подруги, увидишь нечасто!» – «Но еще удивительнее ее сердце, оно тоже зеленое!» – «Где рождаются такие женщины?» – «В пещере колдунов, за теми горами. Кто берет в жены одну из них, к тому приходят любовь и достаток: погляди на меня!» – «Я тоже найду себе такую женщину!» И туземец принялся карабкаться по горным кручам. Много лет искал он пещеру, но так и не обнаружил. Разочарованный, он вернулся к себе – жить, как раньше,

голым у прибрежных скал. Однажды с холма спустилась женщина. С зелеными волосами! «Меня послали колдуны, ибо ты бросил все ради меня. Я твоя». Тот буркнул: «Твои волосы не настоящие, они крашеные. У тебя красное сердце! Сейчас я тебя разоблачу!» И он всадил нож ей между грудей, чтобы извлечь сердце. Оно было зеленым! Туземец закричал: «Я снова обрел веру! Ты дашь мне познать любовь и принесешь достаток!» Но было поздно, женщина лежала мертвая.

82. НИКТО НЕ ЗНАЕТ, НА КОГО ОН РАБОТАЕТ

На двери было семь висячих замков. Открыть ее, казалось, невозможно. Изготовить первый ключ было для него большой победой. Поразительная воля, идеализм, беспокойство, бог знает что еще помогли ему подобрать еще шесть ключей и – едва ли не ценой собственного здоровья – отпереть остальные замки. Собрав последние силы, он толкнул дверь. Из-за нее рекой хлынули ключи, которые увлекли его с собой, звеня и грохоча.

83. ВНИМАНИЕ

Абдулу сказали, чтобы он смотрел на небо, потому что – на одно только мгновение – откроются врата и увидевший их сможет попасть в рай. Абдул поднял голову и стал ждать с широко открытыми глазами. Через три часа, устав, он сомкнул на секунду веки. В этот бесценный миг открылись врата – и закрылись. Абдул вернулся в город, убежденный, что ему напле-ли всякого вздора.

84. КОНЕЦ ДОСТОЙНОГО ЗАНЯТИЯ

В некоем царстве факиры заклинали змей и, заставляя их танцевать, зарабатывали себе на жизнь. Принц – непоседливый ребенок – попытался сделать то же самое, но ползучие твари укусили его, отняв жизнь. Царь приказал повесить всех факиров.

85. ПОДОЗРЕНИЕ

- Учитель, похоже, она меня обманывает.
Я ревную.
- Вот что это такое: другой дает твоей жене то, что ты дать не можешь.

86. НЕВОЗМОЖНО ВСТРЕТИТЬСЯ

Когда он бежал за луной, та ускользала. Когда он бежал от луны, та преследовала его. Когда он останавливался и смотрел на нее в упор, она была им – но он не был ею.

87. ХВАСТОВСТВО

Некто, летя в самолете, высыпал горсть семян на вершину горы. Семена проросли и стали поздравлять друг друга: «А мы неплохо лазаем! Смотрите, куда забрались!»

88. ВСТРЕЧИ

Он бежал быстро и настиг Смерть. Он брел медленно, и Смерть настигла его. Он пошел ровным шагом и понял, что Смерть – это он сам.

89. БЕССМЕРТНЫЙ

Он путешествовал по всему миру, читал, учился, молился, изменил умственные привычки, испытывал алхимические формулы – и наконец достиг физического бессмертия. «Время поделится со мной своей мудростью, грядущие поколения станут поклоняться мне, я стану властелином мира!». Прошли века. Эволюция человека продолжалась: тело его вытянулось, челюсти сузились, череп увеличился в размерах, кости сделались легче, лопатки превратились в крылья. Бессмертный таскался по миру, прикованный к земле, вызывая у летающих людей гримасу отвращения.

90. ЗАКОН

Слепец хотел прозреть, и потому остальные слепцы забили его насмерть палками.

91. ПРЕТЕНЗИЯ

Радиоприемник передавал музыку и думал: «Какой же я великий композитор!». Кот, играя, задел за провод и выключил его. Аппарат жалобно вздохнул: «Что я за глупец: не способен ничего создать!».

Одержав победы повсюду в мире, он вернулся в родную деревню, в глухом уголке между горами и морем. Деревянный дом, где он прожил шестьдесят лет, остался цел. Он кунил его, чтобы снести. Доски выдержали удары кирок и кувалд, точно были стальными. Ни экскаваторы, ни большой стальной шар, ни динамит не смогли разрушить постройку. Так она и осталась стоять, незапятнанная, все более прочная и сверкающая, в точности такая же, что и та, запечатлевшаяся в его памяти. Космос звал ее, но упрямые корни не давали вырвать себя. Смирившись, он открыл дверь и вошел внутрь. В спальне мать раздевала умершего отца. «Лучше поздно, чем никогда! Ну-ка быстрее, надень его костюм, дорогой!» Мертвец растворялся в воздухе по мере того, как он одевался. По жилам приятно пошла горячая кровь. Все было прекрасно. Ему больно было сознавать, что, запертый здесь навеки, он никогда больше не увидит неба и звезд, но через пару мгновений он забыл об этом

и уселся приводить в порядок свою коллекцию марок, между тем как крупная женщина, напевая, красила себе длинные ногти на руках перед зеркалом, отражавшим только десять красных пятен и скрывавшим остальное тело.

93. ПРЕВРАЩЕНИЕ

Он жил с большой белой гусеницей. Внутри гусеницы созревала его женщина. Он терпеливо ждал ее. Между тем насекомое пожирало его книги, бумаги, пластинки, одежду. Когда оно хотело поговорить, то придвигалось мордой к его лицу и впитывало его слова с такой же жадностью, как младенец – материнское молоко. Наконец, громадное брюхо разверзлось. Гусеница завывала, как раненый пес, и поспешила спрятаться под кроватью. После жестоких схваток из кокона появилась женщина – прекрасная, светоносная, независимая. На радужных крыльях она облетела спальню, быстро поцеловала мужчину в губы, оставив на них свою сладкую слюну, и вылетела в окно, чтобы затеряться меж звезд. Еле волоча ноги, он обошел дом. Обняв пустую оболочку насекомого, он стоял много часов, потом втиснулся внутрь нее и, съезжившись, принялся ждать, когда у него вырастут крылья, чтобы устремиться в небо и встретить там свою женщину.

94. ВОЗМЕЩЕНИЕ

После ужасной бури судно потерпело крушение у самого берега. Некто хотел было броситься на помощь пострадавшим, но товарищи удержали его, чтобы разъяренное море не погубило еще одного человека. Чуть позже разразилась очередная буря. Наш герой украдкой бросился навстречу гигантским волнам, боролся с ними несколько часов и, будучи уже на грани истощения, достиг берега, счастливый, что наконец спас хоть кого-то.

95. НЕУМЕСТНАЯ ЖАЛОСТЬ

Слепой младенец сосал молоко, и мать воскликнула: «Бедняжка, он никогда не узнает, что оно белое!». Услышав это, малыш расплакался, с тех пор молоко перестало его питать. Он сосал грудь без передышки, но все же умер от голода.

96. ВЫРВАННЫЙ С КОРНЕМ

Ему снилось, что он засыпает, и затем в том, другом сне снилось, что он засыпает, и в третьем сне тоже... И так до бесконечности. Он отчаянно боролся за то, чтобы вернуться к действительности. В предыдущем сне он проснулся. И снова стал бороться. То же самое. Он просыпался вновь и вновь, но не возвращался в тот, первый сон. Надежда покинула его. Он не лег спать, а вышел из гостиничного номера и затерялся в городе, рассчитывая зажить хоть какой-то жизнью. Внезапно он проснулся – и понял, что потерял все, что имел.

97. NECESSITAS CARET LEGE

В болотах воцарился гигантский крокодил, сея вокруг панику. Вороны переговаривались: «Он сожрал нашего друга койота, нашу сестру сову, нашу приятельницу рысь! Грязный уголовник!» Вечером хищник зашел с набитым брюхом, и мышь увидела, как вороны выклеывают кусочки мяса, застрявшие между зубов рептилии.

98. РАДОСТНОЕ СОБЫТИЕ

Родился ребенок. Бабушка приспособила его, чтобы тереть свои ноги, ибо страдала ревматизмом. Мать сажала его в туалетной комнате и пользовалась глазами сына как зеркалом. Дед брал ребенка на футбол и заставлял издавать трубные звуки, когда его любимая команда забивала гол. Тетки давали ему таблетки снотворного и клали его, неподвижного, в вертеп, рядом с младенцем Иисусом, ягнятами и другими гипсовыми фигурками. Старший брат водил его вместе с собой на консультации и, поощряемый психоаналитиком, оскорблял мальчика, давал пощечины, пока не чувствовал облегчения. А в это время отец, запертый в собачьей конуре, шептал полное имя сына, — остальные члены семейства сократили его до одного удвоенного слога.

99. СПЕЦИАЛИСТ

Крестьяне увидели, что защищающая их земли плотина разрушается, и обратились к специалисту. Тот посоветовал заткнуть дыры комьями земли. Когда же плотину прорвало, ему пришлось признаться, что он – специалист по изготовлению башмаков.

100. КАРМА

Сделав колоссальное усилие, лучник натянул тетиву и послал последнюю стрелу. На его глазах она, удаляясь, исчезла за горизонтом. Он ждал, стоя неподвижно, пока стрела не вонзилась ему в спину.

101. БОЛЬНОЙ И КОЛДУНЯ

– Не беспокойся, сынок. Я пришла от источника, с волшебной палочкой в руке. Там я повстречала Верховное Существо. Оно сказала мне: «Ты вылечишь его!».

– Ты не сможешь, ведь я умираю.

– Умершие вылечиваются, рождаясь заново, мальчик мой.

102. СИМВОЛ

– Наставник, я изучил ваше одеяние. Все в нем исполнено глубокого смысла. Но есть нечто, для меня непостижимое. На вас надет пояс – что это значит?

– Это значит, что с меня не падают штаны.

103. ШВАРТОВЫ

- Наставник, я не знаю, что делал бы сам без себя!
- Стал бы наставником.

104. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

- Я хочу показать, что люблю тебя. Проси чего хочешь!
- Отдай мне свою жизнь!
- Паф.
- Ты солгал, ты оставил меня одну, ты не любил меня!

105. НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Он не сознавал, что находится за стенами тюрьмы, а потому прилипал к оконным решеткам и кричал заключенным, спавшим в камере: «Выпустите меня!».

106. СОПЕРНИКИ

Попугай и воробей с презрением обвиняли друг друга в подражании человеку.

107. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Безумец жаловался, что его следы не идут за ним. Он беспрестанно искал их, пока не умер от усталости.

108. КАТАСТРОФА

Он выбежал на улицу, и волосы у прохожих вставали дыбом от его криков: «На помощь! Мое зеркало умирает!».

109. ПИРАТЫ

Не обнаружив сокровища в сундуке, они остались разочарованы... и не поняли, что сокровищем был сам пустой сундук.

110. ПОЖИРАТЕЛЬ СЕРДЕЦ

Когда настала ночь, он снова ощутил голод, ибо мог переваривать только людские сердца. Он забился в угол и замер в лихорадочном ожидании, что кто-то пройдет мимо. Подошел элегантно одетый сеньор. Точным ударом ножа он вскрыл ему грудь и вырезал сердце, затем вонзил в него зубы. Из оборванных сосудов донесся гнилостный запах, показались черви. Пожиратель сердец сплюнул от отвращения и встал на другом углу. На этот раз шла женщина. Лезвие пронзило шелковистую грудь, не встретив сопротивления. Он вырвал прекрасный орган, но когда укусил, то чуть не сломал зубы, — таким жестким тот оказался. Изголодавшийся, он побрел по улицам. Наткнулся на тучного господина. Вырвал его сердце, громадное, как арбуз. Укусил, истекая слюной. Комок сдулся с хлюпающим звуком, и на зубах пожирателя осталась лишь холодная кожица... Кишки его заныли, он судорожно глотнул воздух и, упав, привалился к дверному косяку. Рядом, укрывшись газетами, спал

мальчик. Человек-хищник не колебался ни секунды, вынул сердце и стал медленно смаковать изысканное лакомство. Бесконечный покой объял его. Он поглядел на маленького нищего, словно падший ангел, и впервые в жизни испытал жалость. Глубоко всадив нож себе в грудь, он выхватил оттуда сердце и вложил его в разорванную грудь ребенка, а затем бережно закрыл ее. И удалился весело, будто танцуя. Потом прислонился спиной к стене и начал сползать по ней на бетонный тротуар... Никогда больше он не почувствует голода.

111. ИСТОРИЯ «ЛЮБВИ»

Черепаша научилась мурлыкать, скинула панцирь и приласкалась к слепой женщине, выдавая себя за кошку.

112. ЧУДО И ПОПУГАЙ

В местности, опустошаемой засухой, высоко в горах, запершись в своем замке, жил каббалист, способный превращать иссохшую землю в воду. Измученные жаждой поселяне отправили к нему деревенского знахаря, чтобы убедить мудреца открыть секрет. Несчастный, принявшись стучаться в запертую дверь замка, был отогнан при помощи кипящего масла. Старый попугай, любимец каббалиста, вылетел и сел на плечо пострадавшего, повторяя волшебные слова, которые слышал многие годы. Знахарь, радостный, вернулся в деревню, собрал жителей, подобрал ком сухой земли и, прочтя странные заклинания, обратил ее в воду. Все изумленно захлопали ему, а затем спросили: «Ну как он, этот таинственный колдун?». На что последовал ответ: «Не знаю, я выучил заклинания от его попугая». Толпа взорвалась смехом и свистом. Как можно узнать что-то стоящее от пернатого? Знахаря назвали шарлатаном и выгнали из деревни камнями.

113. МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Я хочу, чтобы с тобой ничего не случилось. Поэтому запишись дома ради моего счастья.

114. ВЕЛИКИЙ ЛАМА

Меня разрубили на куски. Моей плотью питались огромные грифы. Я решил родиться вновь, выбрал нужную мне женщину и поместил себя в ее чрево. Разумеется, судьба зародыша тем самым изменилась. Дух, готовившийся к рождению, был совсем неопытен по сравнению со мной: он не мог защищаться, и я изгнал его из будущего тела. Я слышал, как он навсегда растворился в Вечности. И внезапно вспомнил о трех тысячах убийств, которые совершил в предшествующих трех тысячах перевоплощений.

115. ТЕМПОЦИКЛ

В 2563 году группа финансистов собралась, чтобы обсудить невероятное событие. «Наши ученые изобрели недорогую машину, похожую на велосипед. Она позволяет уехать на тысячу лет вперед, но вернуться по своей воле нельзя. Все путешественники в будущее вернутся в один и тот же час определенного дня, месяца и года». Запустили рекламную кампанию. «Приобретайте темпоцикл! Через десять веков исчезнут войны и болезни, не надо будет работать! Континенты покроются садами! Станет известен секрет вечной жизни!» Все воодушевились и, поскольку машина была дешевой, то каждый житель Земли купил ее. Одним нажатием педали – как указывалось в инструкции – люди перенеслись в 3563-й год. И увидели планету, заросшую сорняками, а населяли ее одни муравьи, крысы и воробьи. Люди поняли, в чем дело, но было уже поздно. Все отправились в будущее, Земля оказалась покинутой на тысячу лет, и все пришло в упадок.

116. БЕСПОКОЙНЫЙ УЧЕНИК

– Учитель, я ищу и не нахожу!

– Перестань искать и подготовь себя к тому, чтобы
впитывать!

117. ПОДРАЖАТЕЛЬ

Человек теряет зрение. Прежде чем погрузиться во мрак, он запоминает все, что находится в его комнате. Он изучает книги, иллюстрации к ним, их расположение на полках. Полностью ослепнув, он приглашает гостей и, прикидываясь зрячим, показывает им свое жилище. Он придвигает кресла, открывает тома, описывает гравюры, смешивает коктейли. Его притворство великолепно, но он забывает включить свет – и комедия для приглашенных разыгрывается в темноте.

Собственная тень обратилась против него, обернувшись хлыстом. Слова, упрямые как пауки, не желали выходить наружу, скапливаясь в глотке. Череп раскрылся, словно купол обсерватории, мозг устремился в небо, вращаясь, и казался ковром, а потом – лодкой, полной грифов. Из ступней сочилась кровь, он ступал босой, оставляя красные следы. Спавший четыреста лет город проснулся и стал преследовать его. Он бежал в горы; крутые склоны плевались домами. Он пересекал реки: беспокойные мосты соединяли берега своими руками, погребая воду. Он спрятался в лесу: проспекты широкими ятаганами взрезали густую поросль. Кожа его потемнела, как старое пальто, и сама прикололась к шесту, так что поэт сделался знаменем и затрепетал на ветру. Открытые всем непогодам, его мускулы и внутренности притянули к себе слепней. Тогда – мешок с костями – он вздохнул: «Хуже случиться со мной ничего не могло. Надо признать:

что-то идет не так». Но всего несколько мгновений спустя он пожал плечами и взялся за следующую бутылку с вином.

119. СВОБОДА

Он обрубил все концы, чтобы затем прочно привязаться к вещам.

120. СОЗДАТЕЛЬ

Пеликан держал в клюве рыбу и нарочно не глотал, по-гурмански оттягивая момент наслаждения. Это продолжалось так долго, что пеликан забыл о том, что держит в клюве добычу. Он решил, что клюв – это живот, а рыба – его собственное дитя. Однажды, в компании других пеликанов, он гордо воскликнул: «Поглядите, какое чудесное создание я породил!». И выплюнул бесформенную массу, облепленную червями.

121. СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

- Расти, сынок.
- Уменьшайся, отец.

122. НЕТЕРПЕНИЕ

- Учитель, тут ничего нет, это же пустыня.
- Нет! Здесь посеяны семена!

123. ДАВАТЬ И ПРИНИМАТЬ

– Учитель, мы можем дать лишь то, что носим в себе. Я прав?

– Никто не может дать лишь то, что носит в себе. Просьба другого оплодотворяет его. Дар – то, что творят двое.

124. ХОТЕТЬ И МОЧЬ

- Учитель, какой ужас! Он хочет меня проклясть!

- Бойся не тех, кто хочет тебя проклясть, а тех,
кто может.

Индиец сидел на улице вместе со страусом. Около них остановилась, поглаживая маленького песика, любопытная дама. Пес пролаял, обращаясь к пернатому: «Будь у меня такие нелепые ноги, я бы прятал их!». Индиец, знавший язык животных, сказал ису: «Вижу, у тебя хороший вкус. Я знаю место, где есть много сук, и у всех течка. Хочешь пойти с нами?». Пес ответил: «Я сбегу и найду вас». В условленное время он явился, помахивая хвостом. Индиец произнес три слова, и все разом оказались среди пустыни. Страус, с хозяином на спине, понесся большими скачками. Пес поспевал за ними, как мог. Через несколько часов, обессилив, погибая от жажды, он сказал: «Стойте!». Индиец остановился: «Не понимаю, отчего ты так устал». Пес завистливо поглядел на страуса. «А, теперь ясно, я тебя ведь нет таких нелепых ног!» Четверолапый застонал: «Ах, сейчас я понимаю, как они прекрасны! Я бы не стыдился, имея такие же!». Индиец сделал жест – и вместо лап у собаки

появились страусиные ноги. Пес подпрыгнул от удовольствия – и поскакал по барханам. Индиец махнул рукой – и животное предстало перед своей хозяйкой, которая в приступе отвращения взяла палку и прогнала его. Когда вся деревня посмеялась над странным отродьем, индиец снял с собаки чары.

Сотни червяков карабкались по стволам деревьев, чтобы выделить нити, которые сплетутся в коконы, а по весне те раскроются, выпуская на волю бабочек. Цыпленок с завистью наблюдал за этим событием. Он перестал играть с приятелями и возжелал тоже иметь крылья, чтобы порхать с цветка на цветок. «Если эти жуткие твари могут стать прекрасными созданиями, почему я не могу?» Он нашел куски ткани, обрывки нитей, древесные волокна, пеньку, взобрался на вяз, обмотал все это вокруг себя и заснул под прикрытием ветки, надеясь превратиться в бабочку. Прошло время. Мучаясь жаждой и голодом, он пробудился и пробил клювом свой покров. Он не был ни бабочкой, ни цыпленком, а стал петухом. Разочарованный, он вернулся в курятник. Его приятели целыми днями бегали на солнце, питались вдосталь и теперь кукарекали как настоящие бойцы, ища драки. А наш петушок, бледный, изголодавшийся, не мог схватиться с ними.

Его заклевали, облили презрением. Он приписал свои беды бабочкам и побежал в лес, решив уничтожить все коконы.

127. УПАВШАЯ ЗВЕЗДА

Небо сотряслось от мощного толчка. С него сорвалась звезда, чтобы исчезнуть в океанских глубинах. Несмотря на толщу воды, она все так же сияла, ибо горение внутри нее продолжалось. Рыбы впервые смогли увидеть себя такими, как есть, и это им не понравилось. Снедаемые завистью, они натащили грязи и выплюнули ее на незнакомку, чтобы покрыть ее плотной пеленой, которая погасит блеск. Звезда прониклась презрением к себе, ибо смысл ее существования был в том, чтобы освещать другим путь. Она забилась в пещеру. Понемногу стали приплывать мерзкие твари и усаживаться на звезду, принимая ее за камень. Прошла едва ли не вечность, прежде чем в убежище проникло черное чешуйчатое создание, добралось до центра пещеры и испустило луч – столь яркий, что паразиты разбежались. «Кто ты, удивительное существо, выживающее в этом аду, не прекращая свечения?» – спросила несчастная звездочка. «Я звезда, как и ты. Сотрясение небес столкнуло

меня в море, и тут я поняла, что мое сияние не поможет мне, а наоборот, создаст врагов. Чтобы творить благо, пришлось скрывать свою сущность... Идем со мной! Если от тебя отворачиваются, это не значит, что ты ничего не стоишь! От тебя отворачиваются, потому что не знают, кто ты. А если не знаешь другого, как можно его полюбить?»

– Мы оба молимся с одинаковым жаром. Почему же ты радостен, а я – нет?

– Ты всегда молишься, надеясь что-то получить, а я, напротив, благодарю за то, что мне дали.

Мой отец ослеп, когда я еще был в животе матери. Потом мать умерла, я сделался отцовским поводырем. Мы промышляли нищенством. В те времена бушевал кризис, и нам подавали мало. Однажды мы шли через мрачный квартал, было холодно, мой отец застонал от голода. «Не беспокойся, – ответил я, – мы поедим». Я стряхнул пыль с нашей одежды, и мы вошли в китайский ресторан. На столе оказались разные блюда, которые мы с жадностью пожирали. Затем я сказал официанту: «Нам нечем заплатить». – «Ты уверен?» – спросил тот и издал свист, похожий на соловьиный. Появились два китайца громадного роста, привязавших меня к стулу. Отец прошептал мне на ухо: «Прости». Официант вышел и скоро вернулся с банкой и лопаточкой из слоновой кости. Показав мне два глаза на дне банки, он мягко сказал мне: «Не беспокойся, парень, ты заплатишь мне так же, как твой отец». И выколол мне глаза лопаточкой. «Когда-нибудь, чтобы отдать долг до конца, ты приведешь ко мне своего сына».

130. НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ ПРОРОК

От бесконечных многолюдных вечеринок в здании, где помещался танцевальный зал, раскрошился цемент. Время от времени раздавался скрип, но собравшиеся старались его не слышать: мысль о разрушении они считали греховной и отгоняли ее от себя. Мимо шел каменщик и понял, в чем дело. Внутри его не пустили. Тогда он написал на листе бумаги: «Астарожно сдание абрушица!» – и бросил его в окно. Танцующие сорвали листок и разразились смехом: «Он пишет "а" вместо "о"! "Сдание" через "с"! Не знает, как правильно писать глаголы! Ха-ха-ха, этот мужлан незнаком с правописанием!». Внезапно балки не выдержали, и крыша рухнула на приглашенных и слуг. Каменщик, прежде чем пойти дальше, вывел куском мела на стене: «Я фсех придуприждал!».

131. ИСТИНА

Он верил, что получает ответы, а на самом деле двигался вперед, распахивая ударом ноги закрытые двери.

Один хромец просил подаяния, сидя на ступеньках Оперы. Мимо проходил святой, коснулся его ног, – и обе сделались здоровыми. Поначалу радости ничего не было границ, но через несколько минут его обуял гнев: «Проклятый блаженный! Почему ты не сделал меня первым танцором Оперы?». И он уселся обратно, отныне притворяясь хромым.

133. МУДРЕЦ

Везде он появлялся как чужак, это было событием. Любопытные жители окружали его, веря, что он дает ответы. Но он только спрашивал. Спрашивал столько, что его сочли мудрецом и стали принимать вопросы за ответы.

134. ДВОЙНИК

Человек, неотличимый от него, завладел его собственностью, подчинил себе его родственников, отняв у них здоровье и благополучие. Отвергнутый всеми, он обрел память. «Двойник» был законным хозяином, а сам он – жалким самозванцем.

135. ЧТО МОЕ – ТО МОЕ

Господь ниспослал им дождь из золотых звезд. Парочка стала спорить, кому именно было явлено чудо. В ярости они стали раздирать друг другу лицо этими звездами. Он лишился половины носа, а она – глаза.

У стен монастыря расположился торговец, поставил несколько ведерок со спутанными нитками и стал зазывать: «Сегодня – распродажа хохулек! Покупайте, пока не закончились!». Один из монахов прервал молитву и устремился к продавцу. «Сколько это стоит?» – «Сто песо» – «Как жаль, у меня только восемьдесят». – «Ничего, я сделаю тебе скидку в двадцать песо». Монах купил хохульку и, приплясывая, побежал показывать своему собрату постарше. «Брат мой, я сэкономил двадцать песо!». Старик поглядел на него с жалостью: «Нет, ты потерял восемьдесят, потому что хохульки ни на что не годны».

Учитель шел, одетый в лохмотья. Тот, кто хотел стать его учеником, спросил: «Почему вы ходите как оборванец?». Учитель ответил: «Из смирения». «Будь вы таким смиренным, вы бы этого не показывали», – заметил ученик с презрением и отправился на поиски другого учителя. Он не понял, что смиренный мудрец прикидывается «смиренным», чтобы к нему не шли в ученики и оставили его в покое.

138. НЕТЕРПЕЛИВОЕ ДЕРЕВО

Среди зимы дерево сказало себе: «Почему я должно ждать лета, чтобы давать плоды? Хочу зацвести сегодня же!». Оно стряхнуло снежный покров, протянуло корни к теплым слоям почвы, с трудом погнало по себе сок, заставило распуститься листья и цветы, и наконец породило апельсины, воскликнув: «Я победило: мои плоды сияют, как солнце!». Землю покрывало холодное белос одеяло. «Вот я, ешьте мои нежные апельсины!» Но стояла зима, все животные спали, вокруг царило безмолвие. Золотые плоды начали гнить... Пришла весна. Земля вновь встрепенулась под лаской солнечных лучей. Листья и цветы на деревьях распустились без всяких усилий, птицы склевывали плоды и уронили семена. Новая поросль сделала роскошный лес еще гуще... Нетерпеливое дерево упало в чернозем, похожее на темного червяка, и стало добычей муравьев.

139. КАПРИЗНЫЙ НИЩИЙ

Он плакался, что голоден, – ему дали хлеба.

Он захныкал: «А чем я буду его есть?». И у него отняли хлеб.

140. СКРОМНЕЕ!

- Учитель, что значит побеждать?
- Это значит: научиться терпеть поражение.

141. ОТКРОВЕНИЕ

- Пусть жизнь твоя будет такой, какой будет, и через бесчисленных своих предков ты должен знать, что это лишь начало.

142. ВЗРОСЛЕНИЕ

- Учитель, когда я стану сильным?
- Когда научишься не проклинать.

143. УРОК

- Учитель, я научился разбивать стаканы!

- Есть множество способов разбивать стаканы,
но лишь один способ их делать.

144. НЕВЕЖЕСТВО

- Учитель, я чувствую себя одиноким.
- Ты не умеешь оставаться вместе с самим собой.

145. КОАН

– Учитель, я не могу сказать, наполовину полон этот стакан или наполовину пуст. Что делать?

– Разбей его!

146. ВЗАИМООБМЕН

- Учитель, когда я достигну совершенства?

- Когда для тебя станет так же важно давать, как и получать.

147. ЦЕЛЬ

- Я боюсь, что не приду, куда хочу.

- Старайся не прийти, а двигаться вперед. Двигаться вперед – это и значит приходить.

148. НЕУЯЗВИМОСТЬ

- Учитель, как сделать, чтобы не сгореть в огне?
- Стань огнем!

149. ПРЕДВИДЕНИЕ

– Когда монах выходит, жабы залезают в храм. Так когда же в храм забираются жабы?

– Очень просто, учитель: жабы залезают в храм, когда монах выходит.

– Болван!

– Но вы сами сказали, что когда монах выходит, жабы залезают...

– Тупица!

– Они залезают, когда стоит жара и им хочется прохлады!

– Мошенник!

– Они залезают, когда монах забывает прикрыть дверь!

– Выдумщик!

– Они залезают, когда знают, что внутри их ждет просветление!

– Готовься к смерти, умствующий!

– Жабы никогда не залезают в храм, потому что монах никогда его не покидает!

– Да!

150. ИНФАРКТ

– Учитель, этот человек изо всех сил боролся, чтобы уйти на пенсию. Почему, уйдя, он умер?

– Потому что он изо всех сил боролся, чтобы достичь желаемого.

151. АРТИСТ

– Представь, что ты великий пианист и тебе отрезали руки. Что ты сделаешь?

– Стану танцором.

– А если тебе отрежут ноги?

– Стану оперным певцом.

– А если вырвут язык?

– Возьму в зубы кисть и начал писать картины.

– А если убьют?

– Пусть сделают из моей кожи барабан, из моих костей флейты, а из кишок – скрипичные струны.

152. МОЧЬ

Он заставлял других принимать, желая ощущать, что он что-то дает.

Фокусник оставлял в каждом городе женщину, распиленную надвое: верхняя часть ее тела изнемогала от любовного желания, не зная, что нижнюю часть имеют клоуны.

154. ПОДЛИННАЯ СВЯТАЯ

Вокруг могилы, где покоилась чудотворица, соорудили большой храм, привлекавший тысячи паломников. Собственником земли и сторожем храма был Омар, вдовец, первым открывший чудесные свойства гробницы. Он жил, окруженный почетом, и благодаря приношениям сколотил солидный капитал. Единственный его сын, Саид, влюбился в проститутку. Та забеременела. Юноша и его любовница, проклинаемые Омаром, преследуемые верующими, бежали, пока женщина не умерла от истощения. Молодой человек, объятый горем, похоронил ее и принялся рыдать над могилой. Мимо проезжал бедуин. Он дал юноше воды и сыра, поставив над кучкой камней поминальную свечу. Пришли другие кочевники, также с дарами. Пронесся слух, что усопшая творит чудеса. Понемногу верующие воздвигли храм; Саида, как сторожа, окружили почетом, и он достиг благополучия. Однажды его навестил отец: слава чудесной гробницы дошла и до него. «Прости меня, сын мой.

Я должен открыть тебе постыдную тайну: твоя мать была проституткой, и я любил ее до безумия. Она умерла, породив тебя на свет. Я похоронил ее и рыдал над гробницей так исступленно, что путники решили, будто здесь погребена святая. Теперь я очень болен, обречен на смерть, и лишь чудо может спасти меня; но так как моя чудотворица фальшивая, я прошу тебя, дай мне помолиться над могилой твоей любимой. Она спасет меня!». Сын, не говоря ни слова, повел отца к могиле. Старик зажег свечу вложил в молитву всю свою душу. Затем оставил обильное приношение и вернулся к себе исцеленный, чтобы и дальше принимать поклонников лжесвятой.

155. ТЫСЯЧА ЛИЦ ЧЕЛОВЕКА-НЕВИДИМКИ

Человек-невидимка делал для себя маски с самым разным выражением: любовь, зависть, гордость, сомнение, скорбь. Прежде чем выйти на улицу, он примерял их перед зеркалом. Надев маску с властным выражением, он чувствовал, что способен повелевать толпами, с обольстительным – что все женщины будут у его ног... Желая иметь как можно больше оттенков, он стал обладателем 999 масок. Для тысячной он наметил выражение безумного хохота. Рот с огромными зубами растянулся от уха до уха. Закончив маску, человек-невидимка вышел в ней прогуляться. Люди, зараженные диким весельем, начинали бурно хохотать. Устав от шумихи вокруг себя, творец маски вернулся домой и решил снять ее: он больше не мог. Маска приросла к коже! Он срывал ее, царапал, пытался разрезать, разбить: бесполезно. Он бушевал, выл, угрожал, рыдал, умолял: бесполезно. За искусственным смехом его отчаяние было

незаметно. Шатаясь от голода, он побрел просить о помощи. Горожане, не зная, что его жесты выражают удрученность, снова разразились смехом. В печали он вернулся к себе, поняв, что умрет от истощения с веселой маской на лице. Прекратив попытки избавиться от маски, он стал вспоминать, как это случилось. И вскоре понял. С новыми силами он разбил на куски 999 прежних масок. Осталась та, последняя, и тоже отвалилась с его лица, упав на пол, словно мертвая рыба. Впредь человек-невидимка решил жить без лица.

156. ДВА ВОСПИТАНИЯ

Богатая женщина поучает сына, как некрасиво быть грязным. Бедная женщина поучает сына, как прекрасно быть чистым.

Он проглотил двух своих сыновей живьем, но не смог их переварить. Склонив ухо к своему урчащему животу, старик услышал, как оба узника осыпают его проклятиями: «Мы останемся здесь навсегда, пожирая то, что ешь ты, и выпитывая то, что ты пьешь. Мы отравим тебя нашими испражнениями». Он попытался извергнуть их из себя, но те ухватились за кишки и понемногу выели его изнутри. Он умер, превратившись в кожаный мешок с костями. Проглоченные сыновья, оставаясь внутри, начали драться за останки. Один задушил другого, завладел кожей отца и, надев ее, пошел в спальню матери, которая спала, раскинув ноги. Он кинул ей труп брата, прокричав, чтобы та проснулась: «Мерзкая старуха, вот твой любимчик!». Женщина накинулась на него, умоляя взять ее. «Ты должен, ведь ты мой муж!». Он бросил кожу отца к ее ногам и в ужасе убежал, чтобы не быть проглоченным снова.

158. ЗАИМОДАВЦЫ

Он собирал людские черепа. Всего оказалось девяносто девять, на пьедесталах черного мрамора: по черепу на каждый год жизни. Он умер столетним, попросив похоронить себя вместе со своей коллекцией. Так и сделали. Многочисленным сыновьям пришлось выставить у могилы круглосуточную охрану от обезглавленных скелетов: те сходились со всех сторон, и, настойчиво гремя костями, требовали обратно свои черепа.

Его мать забыла на постели маленькое полотенце со следами менструальной крови. Темно-красное пятно имело форму креста. «Это амулет для делания детей», – подумал мальчик и, зажав волшебное полотенце между ног, поспешил закрыться в туалете. Так он сидел в ожидании, пока не заболел живот. Закрыв глаза, он исторг из себя нечто вязкое. «Это сотворил крест». Он спустил воду, не желая взглянуть на то, что уносил поток. А затем спрятал амулет в коробке с оловянными солдатиками. Вечером того же дня, в церкви, он прошептал на ухо Богоматери: «Ну вот, я знаю секрет. Теперь мы с тобой заполним мир Христами».

160. В ПОИСКАХ ГЛАВНОГО

Десять лет писатель не мог закончить роман – и наконец решил удалить из него все второстепенное. Он работал еще десять лет, после чего в книге осталось только одно слово: «Крокодил».

161. ЗАТОПЛЕННЫЙ ЛАБИРИНТ

Он безнадежно затерялся в лабиринте, пол которого был залит водой. Видя свое отражение в жидком зеркале, он подумал: «У меня все идет неважно, но у отражения еще хуже. Если я не выберусь, то оно – тем более». Это маленькое утешение развеселило его. «А кроме того, оно такое непрочное! Бросишь камень – и его нет!» С жестоким смехом он метнул камень, ожидая, что отражение исказится. Но оно, оставшись нетронутым, взирало на него с водной глади. Все вокруг сильно затряслось, стены зазмеились, его тело разорвало на множество ужасных кусков. Прежде чем исчезнуть в небытии, он успел осознать, что его мир был лишь иллюзией на поверхности воды и что отражением на самом деле был он.

162. АНОМАНИЯ

Поняв, что складки ануса у каждого так же неповторимы, как линии руки, он изобрел новую гадательную технику. Клиент, обнажив ягодицы, усаживался на ксерокс. Полученный таким образом отпечаток вписывался в зодиакальный круг. После чего следовало предсказание будущего – исключительно точное. По самым глубоким складкам он угадывал прошлое человека.

163. ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ

Она сняла парик, он – полупарик. Она вынула стеклянный глаз, он тоже. Она сняла резиновое ухо, он также. Она вынула верхнюю челюсть, он – нижнюю. Она отвинтила левую руку и ногу, он – правую руку и ногу. Мелкими прыжками, помогая друг другу, они доскакали до кровати. Там, прижавшись друг к другу, они почувствовали, что благодаря своей великой любви стали единым существом.

164. НАГРАДА

- Я выполню одно твое желание. Подумай хорошенько и проси чего хочешь.

- Пусть это желание смогу выполнить я, а ты об этом попросишь.

165. НАРЦИСС И ЧУДОВИЩЕ

Ни один из претендентов не был для нее достаточно красив. Однажды ночью поэт, страшный с виду, привязал к лицу зеркало и стал под ее балконом признаваться в любви. Она неохотно раздвинула занавески. Поэта она слушать не стала, но увидела в серебрястой маске свое отражение. «Ты – тот, кого я ждала. Твоя красота покорила меня. Забери меня с собой», – сказала она ему. – «Только если ты пожертвуешь для меня своими глазами». Девушка без колебаний вонзила ногти в глазные яблоки. Урод сбросил зеркало с лица и смог наконец ее поцеловать.

Цимбрин – серая птица, обитающая в больших городах, которая прилепляет свое гнездо к автомобильным бамперам, делая его из смеси глины и бензина. Это антисоциальная птица: самец покидает самку, оплодотворив ее, а птенцы вылетают из гнезда, как только пробивают скорлупу. Из-за своей малопривлекательной серой окраски цимбрин подвергается нападениям других птиц. Она не выжила бы, не будь у нее единственного синего пера. Птичка не сознает, насколько оно мало, и ведет себя так, будто каждое животное видит это перо и завидует ей. Большую часть времени она проводит, чистя его, показывая всем, любуясь им. Для жилья она избирает роскошные авто, заклеывает храбрых собак и обращает их в бегство, крадет корм у других птиц, наслаждается одиночеством. В определенный период жизни единственное красивое перо цимбрина изнашивается. Птица протирает глаза о бампер. Время идет, бородки пера постепенно выпадают, цимбрин

мечется, дергает лапами и хлопает крыльями все чаще и все сильнее, порой заглушая звук автомобильного гудка. Синее перо превращается в ость. Цимбрин перестает есть, прячется в гнезде, закрывает единственное отверстие в нем и ждет... Гнездо, о котором больше не заботятся, высыхает, отваливается от бампера, и птицу переезжает машина, когда-то ставшая ее домом.

Старый солдат, увешанный медалями, возвращался домой. Он волочил деревянную ногу, оставляя на земле длинный след. Эта черта разделила мир надвое: одна сторона, бесплодная, быстро превратилась в пустыню, а другая, плодоносная, была полна рощ, роскошных цветов, разноцветных птиц. Старый солдат, увешанный медалями, скрылся за горизонтом. Ветер и дождь понемногу стерли черту. Мир вновь обрел единство.

168. ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛОСОВ

Когда полиция забрала ее возлюбленного, выполняя приказ навсегда спрятать его от мира, моя мать потеряла вкус к жизни, а вместе с ним и голос. Точно немая птица, она бродила по комнатам и не хотела выходить на улицу. Я, восьмилетний, знал секрет волшебства – один из тех, которые дети тщательно охраняют от взрослых. Надо приложить к губам спящего взрослого морскую губку – и можно украсть его голос.

Я вышел в самое темное время ночи и забрался в окно дома, откуда доносился глубокий храп. Там была простая рабочая девушка: она спала рядом с грудой военной формы цвета хаки, которую следовало зашить, и дышала открытым ртом, бесчувственная, будто камень. Я приложил губку ко рту девушки и украл ее голос. В мои руки попала невидимая трепещущая птичка, печальная, словно тосковала по родному гнезду. Я посадил ее в коробку из-под печенья и побежал к матери. К счастью, она все еще

спала, раскрыв губы. Я зачихнул губку ей в рот, и птичка в отчаянном неистовстве прилепилась к голосовым связкам.

Когда мать проснулась, голос, резкий настолько, что треснул стеклянный стакан, полез из ее горла, как металлическая нить: «Не хочу жить, нет, не хочу!». Она беспрестанно повторяла эти слова, так что, в конце концов, заткнула себе рот, чтобы не произносить их. Затем треснули остальные стаканы, оконные стекла, цветочная ваза, тридцативаттные лампочки и единственное зеркало, крохотное, стоявшее в углу ванной. Я подождал, пока мать не заснет, извлек невыносимую птичку и пошел возвращать ее на место.

На стационарной скамейке растянулся безработный железнодорожник, донельзя пьяный, прикрытый газетами, прославлявшими победу армии над анархистами. Я сжал ему ноздри, он открыл рот, и я стащил комок эктоплазмы, порой на считанные секунды напоминавший дикую кошку.

Утром моя мать зачастила хриплые угрозы: «Фараоны, убийцы, я прикончу вас всех, а заодно начальника, который вас послал!». Впервые за год она распахнула ставни и стала на всю улицу осыпать ругательствами нашу славную армию. Испуганные соседи обходили наш дом стороной, притворяясь глухими. Я поднес ко рту большой палец руки, сжатой в кулак, показывая, что мать выпила больше обычного. Одна знахарка из страха, что сейчас придут карабинеры, сделала матери укол, и та заснула

в считанные минуты. Я достал разъяренного кота и вернул его обратно в проспиртованное убежище.

Что же теперь? Какой голос украсть, чтобы открыть ворота этого запертого сердца? Срочность дела заставила меня пойти на риск. Я влез через слуховое окошко в публичный дом. Какой-то сеньор накинулся, словно лев, на полуодетую женщину и лихорадочно двигал бедрами. У обоих глаза были закрыты – он покраснел от натуги, а она фальшиво стонала от наслаждения; моего присутствия они не заметили. Я воспользовался тем, что крашенные губы были широко открыты, и извлек голос, напоминавший громадную устрицу. Только я ввел ее в горло матери, как она проснулась и, как была в нижних юбках, побежала по улице, колотя в двери и крича: «Что такое женщина без мужчины? Где тот мерзавец, который заполнит пустоту у меня между ног? Я горю, я задыхаюсь, я превращаюсь в устрицу!». Мне возвратили ее искусанную и связанную: она походила на личинку. Я пришел в отчаяние – ведь я так желал, чтобы веселье вернулось к нашему очагу! Может быть, ей кроме меня нужен был еще кто-то? Придя из школы, я подметал тесные комнатки, готовил еду, выбирался в центр просить подаяния, всегда возвращался с кое-какими деньгами и сверх того из-за моего хорошего кровообращения спал рядом с ней, прижавшись к ее холодному животу, как грелка с кипятком. Да, ей нужен был еще кто-то!

Я решил испробовать последнее средство и украсть голос священника. То был бледный

фанатик, вечно раздраженный, потому что по вине коммунистов у него почти не осталось паствы, кроме нескольких замшелых старух. Я нашел его в исповедальне – так он скрывал ото всех свой послеобеденный сон – и вытащил изо рта непонятный флюид, напоминавший башмак. С некоторым отвращением я положил его в материнский рот. Она вскочила на кровать, воздела кулаки к небу и разразилась бранью в адрес нашего доброго Бога, посылая ему, точно мстительные лезвия, одни и те же слова: «Несправедливый старик!».

Боясь, что оскорбленный Господь пошлет полицейских, и те упрячут ее, я вернул священнику его башмак. Что я еще мог сделать? Я достал свой собственный голос! Он выполз, подобно змее, и обвился, дрожа, вокруг моих пальцев. Я ощутил, как среди моих связок поселился глухой черный паук.

Мать проснулась с детской улыбкой, прибралась в доме, приготовила еду, поиграла в куклы и говорила, и говорила, и говорила весело несколько лет подряд. Никто не заметил, что я онемел.

169. СВЯЩЕННИК-МОНАСТЫРЬ

Я не ношу сутану. Я живу в горшке, внутри монастырского двора. Монахи дают мне хлеб. Иногда в хлебе оказывается сыр. По воскресеньям, перед тем как приходят верующие, меня выпускают, чтобы я спрятался в рощице. Я не уйду далеко: залезаю на холм и наблюдаю. Я знаю, что в монастыре крошится цемент. Поэтому мои усилия не должны ослабевать. Если это случится, если я перестану напрягать мускулы живота, я начну рушиться, начиная с колокольни. Тик-так. Два часа.

Когда я пришел сюда, я был простым священником. Однажды у меня начал трескаться кирпич. Я вылез из горшка, полубессознательный, направился к одной из стен, заштукатурил трещину, – и боль отступила.

Затем я начал чувствовать стены. Стая крыс, роющая подземные галереи, дала мне знать о своем продвижении раньше, чем я привык к этому. Я до сих пор

кашляю. Кроме того, меня тяготил вес стольких распятий, гвозди картин с изображением ангелов вонзались в мою штукатурку, словно булавки в небо. Я больше не мог есть хлеб. И привык к этому.

Затем настал черед колокольни и фундамента. Ощущать раскаты колокола в печени было счастьем, забыть о котором заставляли только черви, разъедавшие мой фундамент. Я понял, в чем моя задача: дено и ночью бодрствовать, чтобы не обрушиться. Окажутся колокольня, стены, перекрытия в пропасти или нет, – зависит от моего сопротивления. Я напрягаю мышцы живота. Я – священник-монастырь. Я должен бороться.

Монахи говорят, что я не священник. Когда я уверяю, что у меня ноют стекла, они смеются. Как объяснить, что мне в точности известно, сколько шагов они делают по каменным плиткам? Как объяснить, что мои ребра отзываются каждый раз, когда монах переворачивается под простыней? Но они не верят мне. Вчера я выпил четыре литра вина. Они выбежали во внутренний дворик, ударяя себя в грудь с криком: «Землетрясение!». Тому, кто смеялся громче всех, я швырнул на тонзурку обломок карниза.

Они думают, что монастырь вечен. Я же знаю, что скоро умру. Я не безумец: я не утверждаю, что монастырь – это я (если говорить о материалах, из которых он сделан). Я – сознание монастыря. В то же время я существую как человек. Это просто. Ничего

необычного. Если я напиваюсь, здание дрожит. Если ветер задувает в окна, я начинаю ежиться. Мои собраты пытаются спасти свою душу. Я сражаюсь за то, чтобы постройка не рухнула из-за подгнившего фундамента.

От их песнопений по моим стенам идут трещины. Я попросил их молиться молча, в размышлении. Они стали петь еще громче. Прямо под ними стена осыпается, может рухнуть алтарь. От этого у меня болят почки. Монахи уничтожают меня свои гудением, своими распятиями, своими картинами, своим ворочаньем под простыней. Они плохо кормят меня. Они, в одно прекрасное утро, меня обрушат.

Воскресенье. К нам приехал, в красивой военной форме, президент Республики, а с ним – двадцать представителей лучших семейств и множество солдат. Сегодня мне хуже, чем когда-либо. Они одеты в парадную одежду. Словно собрались на бал. Я больше не могу. Почему я не священник-воздушный-змей или не священник-травинка? Было бы так приятно ощущать грубой цветной бумагой чистый воздух, паря в высоте, или корнями – объятие теплой, нежной земли.

У меня нет сомнений на собственный счет. И все же я хочу осязаемо дать понять им и себе самому, что я – это монастырь. Здесь кое-что не так. Первое: если я не расслаблю мышцы живота, то стены не падут и я

никогда ничего не докажу. Второе: если я решусь на смертельный шаг, то докажу все – ценой самоуничтожения. (Я прекрасен: моя черепица блестит под дождем, как чешуя лосося). Но если все же стены не рухнут, несмотря на мои действия?

Я не перестану быть тем, кто я есть. Возможно, я – не этот монастырь, а другой, похожий, в ином месте. А кроме того, разве необходимо, чтобы существовал «реальный» монастырь? Мне достаточно знать, что стоит расслабить мышцы живота – и наступит мой конец.

170. ГОРИ, ВЕДЬМА, ГОРИ!

Монахиню сжигали живьем. Нищий, гонимый холодом, пришел в церковь, прося приютить его. У монахини не нашлось дерева, чтобы его обогреть, и она сожгла деревянную мадонну. А теперь аббат, высохший старик, на чьем лице никогда не видели улыбки, сжигал ее саму, назвав коммунисткой и обвинив в святотатстве. Костер горел. Ее тело горело, горело, горело, горело, шли часы и дни, прошло три недели, а плоть ее, объятая пламенем, все не сгорала. Ночью в деревне теперь было светло, петухи то и дело кричали, жители соседних домов не могли уснуть. Они выстроились цепочкой и стали передавать по ней ведра с водой, чтобы потушить огонь, – тот не угасал. Тогда ее, швыряющую языки пламени, бросили в колодец и засыпали песком. Сильный жар, идущий из глубокой могилы, привлек мух, пауков и змей. Тогда женщину решили выкопать. Она все еще горела, не умирая. Ее попросили погаснуть. Не говоря ни слова, она направилась к церкви, стащила аббата с амвона

и прижала к груди: «Войди в Его сердце!». Когда старик сгорел, не оставив пепла, женщина погасла. Затем взяла метлу и, как раньше, принялась подметать пол. Обитатели деревни принесли ей дров, опасаясь, что придет еще один нищий и попросит приютить его.

Нет искусства низкого и высокого. Каждый должен делать свое дело. Я тоже художник! Гримировать мертвых совсем нелегко. Во-первых, грим должен быть незаметным; во-вторых, лицо должно выражать здоровье и оптимизм; в-третьих, его черты нельзя нарушать. Порой исходный материал приходит к нам в плохом состоянии. Цвет лица, его выражение восстанавливаются по рассказам родных и близких, а рассказы эти часто противоречивы. И все же я честно выполняю свою работу. На месте холодного, с искаженными чертами лица возникает теплое, правильных форм. Я не доверяю, как некоторые мои сотоварищи-халтурщики, глазам родственников, затуманенным слезами или страхом. Я – художник!.. Через несколько минут можно будет сказать «ну вот!».

Любой другой на моем месте остался бы доволен, посчитав, что достиг вершины своей карьеры. И не случайно: запертый в Конгрессе, я работаю над

трупом Бессмертного. Снаружи миллион зеленорубашечников ждет, когда откроется дверь, чтобы промаршировать перед «усопшим». Они не знают того, что знаю я.

Вчера двенадцать церковных иерархов в гражданской одежде призвали меня в помещения Верховного престола. И там, в кабинете, дав всевозможные клятвы относительно своего молчания, я узнал секрет. Мозгом были они, а «бессмертный» – всего лишь их марионеткой. Необходимо, чтобы зеленорубашечники верили, будто вождь по-прежнему жив. Моя задача – как можно лучше загримировать его под живого и ежедневно воссоздавать заново свой шедевр, чтобы никто не проведал об этом. «Это самое важное условие для легенды о воскресении!» – сказали мне. Мое благополучие обеспечено. Я должен быть доволен, но это не так. Когда двери откроются, будет подписан мой приговор. И приговор этому лживому учению.

Из-за своей профессии я так и не смог найти себе жену. Женщины говорили, что от моих пальцев исходит запах мертвого тела. Время от времени какая-нибудь извращенка ищет меня, желая поцеловать мне руки. Бедняки презирают меня, потому что я работаю только с лицами богатых. Они неправы. Лицо бедняка почти одинаково, мертвый он или живой; иногда в гробу на нем появляется выражение даже более умиротворенное, чем при жизни. С клиентами из высшего общества все по-другому: мне приносят исходный материал, обряженный во фраки и военную

форму с медалями, кольцами, лентами, крестами, жабо, и от меня хотят побольше цвета, побольше оптимизма. Когда я сдираю всю эту шелуху ради обязательной помывки, от внушительной фигуры, врученной мне, остается жалкое тельце, а на лице уродливейшим образом написаны страх, злоба, напыщенность или скупость. Мое искусство необходимо им. И я вынужден работать часами, чтобы сделать из этих лиц нечто пристойное.

Понятно, что у меня нет ни детей, ни друзей; а между тем такое вот занятие прививает любовь к жизни. Как же это было невыносимо грустно... Но вдруг, спасаясь от зеленорубашечников, ко мне прибежала Эухения. Ее отец был противником Бессмертного. Вместо того чтобы убить врага, вождь начал истреблять его семью. У Эухении – тогда семилетней – взгляд был таким же грустным, как у меня. И с того дня я считал ее дочерью.

Она была счастлива со мной. А я – с ней... Она помогала мне гримировать. Если приходилось трудиться в воскресенье, то, закончив работу, мы разговаривали, как два клоуна, обменивались дурацкими фразами насчет мертвеца, тихо, чтобы не услышали скорбящие. Эухения всегда смеялась над одной шуткой: мы усаживали покойника в гробу, я вставал сзади, совал руки ему под мышки и заставлял его, жестикулируя, рассуждать о времени.

Два года мы были неразлучны. Я научил ее всем секретам ремесла. Никто не знает, что Эухения – это удивительно для девочки ее возраста – гримировала

кардинала Барату. Труд ее преобразил презрительную и скептическую мину в ангельскую улыбку... А печальный взгляд Эухении остался тем же. Но ее улыбка – даже после того, как ее обесчестили зеленорубашечники – сияла, как солнце. Я не поэт, я всего лишь утверждаю, что ее улыбка была для меня, как солнце. Но Бессмертному было плевать на солнце, на целую Вселенную. Помню его слова: «Если Господь спустится на землю и мне не понравится его нос, я прикажу расстрелять Господа».

Выдавать: что толкает людей на это? Не вознаграждение, не зависть, не мстительность, не жажда справедливости. Думаю, склонность выдавать инстинктивна. А любовь – почему она толкает нас на риск? Может быть, счастье достижимо только рядом со смертельной опасностью? Я начал выходить вместе с Эухенией днем, мы пели песни, работая, участвовали в факельных шествиях, играли в классики напротив казарм зеленорубашечников... Разумеется, нас выдали.

Признаю, что у вождя был великий режиссерский дар. Мне позвонили: «Два клиента... Пожилая пара... Похороны по высшему разряду... Лицо сеньора – вам... Дама – вашей помощнице...» Мы пришли по указанному адресу. Лакей – слишком надменный для своего положения – удалился с Эухенией, оставив меня в комнате одного. Покойника не было. Только пустой детский гробик... Я попытался открыть дверь. Заперто. Я слышал животный смех, стук сапог. Стал ждать... Когда мне швырнули тело Эухении

со словами: «Твоя очередь!», я прикинулся непонимающим. Я сделал ей грим, как у клоуна – она всегда просила об этом – и положил ее в маленький гроб.

Запертый в здании Конгресса, я работаю над Бессмертным. Снаружи миллион зеленорубашечников ждет, когда дверь отворится. Мой труд закончен... Сейчас я подпишу свой смертный приговор. И приговор этому лживому учению.

– Входите, зеленорубашечники, вот он!

Птосис был горд, и не зря: путем кропотливых исследований он открыл то, что затем назвали «Собачкой Птосиса». Найти что-то новое в легендарном фильме «Бомбейские ночи любви» было практически невозможно.

Народ Лексгополя – единственный выживший после доисторических войн – искоренил всяческое воображение (источник любого зла) уже много тысячелетий назад. Путем операции на мозге удалялось стремление к игре. Возникла бюрократическая раса, способная жить, не тоскуя по переменам или приключениям.

Шли годы. Когда Верховный Генерал задал вопрос, почему самоубийство уносит жизни девяноста пяти процентов граждан, ему ответили, что игра лежала в основе душевного равновесия, являлась неотъемлемой чертой человеческого поведения. Тогда правитель отдал приказ ввести игры вновь. Но все они, а также пьесы, книги, фильмы были вычеркнуты из

коллективной памяти и из действительности. Так же как доисторический человек не мог размышлять, лексгопольцы не могли ничего создать. Воображение было утрачено навсегда.

Спасительным событием оказалась находка в трюме затонувшего (еще в доисторическую эпоху) трансатлантического лайнера кинопроектора в отличном состоянии и ленты «Бомбейские ночи любви» на древнеанглийском языке. Единственная возможность развлечения была связана с этой пленкой.

Показ фильма предварялся военно-научной церемонией, которая, по прошествии строго отмеренного числа минут, сделалась религиозной. Затем появились сотни трудов по психологии актеров, их костюмам, гриму, декорациям, по характеристикам персонажей, старинному идиоматическому языку, типологии жестов. Когда все эти темы оказались исчерпаны, стали изучать анонимных личностей, снятых в эпизодах, составлять перечни предметов, описи ложек и вилок, появляющихся в сцене под лунным светом, причем каждая была окрещена своим особым именем; подсчитали размеры всех зданий и тротуаров.

Каждый раз, когда появлялось описание новой вещи, люди устремлялись в оптический храм, чтобы внимательно ее рассмотреть. «Сегодня мы представляем белую птицу, летящую в верхнем правом углу!». Когда в кадре возникала птица, фильм останавливали, произносились речи, шли дискуссии священников-киноманов. Иногда в каталог под соответствующим

номером заносилось пятно на пленке. Репродукции этого пятна украшали парадные залы мэрий. Затем дополняли «Большую энциклопедию "Бомбейских ночей любви"». Устраивались конкурсы (к участию допускались только граждане, способные рассуждать не менее чем о пятидесяти тысячах деталей). После многолетних поисков был зарегистрирован каждый квадратный миллиметр ленты, – о нем славились гимны, писались работы, он обрастал всевозможными толкованиями. Все это свело количество самоубийств к нормальному уровню.

Птосис был человеком с большими амбициями. Он вознамерился остаться в истории. Тридцать лет подряд, по десять часов в день, он изучал фильм. Наконец, он смог заметить, сквозь щели ивовой корзины рыночного торговца, мелькавшей на заднем плане, движения чего-то темного. Реконструировав его форму, он доказал, что в кадре видна собака. Углубившись дальше, он установил ее породу. То был фокстерьер, спрятанный за корзиной его хозяином – статистом в роли нищего. Птосис доказал, что этот нищий фигурирует под названием «Появление тени в кадре со сценой рынка, двадцатый миллиметр слева, сто шестой миллиметр сверху».

Птосис был объят гордостью. Ему вручили награду в президентском бункере, подарили трехмерное изображение генерала. Сотни гражданок принесли ему свои дары натурой... Но вот Кносис, столь же амбициозный, как Птосис, доказал, что собака была лишь тенью актера «Курильщик

марихуаны»: двести третий миллиметр справа, пятнадцатый сверху.

Птосиса вычеркнули из научных трудов, его статуя была сброшена с пьедестала, а имя стало объектом насмешек. Из этого горестного эпизода родилась распространенная фраза для обозначения напрасных усилий: «Не стоит открывать собаку Птосиса!».

Пока не появилась идея, я считал себя счастливым. Я занимался расследованиями. Заговорщики – вне всякого сомнения, коммунисты, – которые различались не по лицам, а по визитным карточкам на шее, стояли в очереди, чтобы попасть ко мне. Они обязательно навещали меня – меня, с электродубинкой и черным пистолетом в руках!

Я всегда старался медленно терзать каждое яичко, каждый отросток, но для этого надо было задержать продвижение очереди на много часов. Из любви к ремеслу я выработал приемы, которые позволили мне добиться не признаний – настоящих поэм. Я питал тайную веру в то, что Главный ведаёт о моих умениях и что на исходе каждого дня он собирает свой Генеральный штаб – полюбоваться моим искусством на снимках. (Вскрыть грудную клетку так, чтобы та напоминала красную магнолию, требует крайне утонченного вкуса). Я был горд. Раньше. Сейчас меня тошнит.

Все это началось по моей вине: устроить исчезновение человека стало для меня рутинной. При поддержке Верховного Командования я уничтожал свидетельство о рождении, прочие официальные документы, плюс банковский счет, телефонный номер и так далее. Это кажется сложным, но на деле сравнительно легко. Достаточно телефонного звонка, запускающего механизм исчезновения, – и меньше чем за двое суток тайный коммунист испарялся. Конечно, оставалось тело, – некоторая помеха. Я самолично выбирался по выходным, когда мог, за город, без особого шума, и освобождал почти всех от тела, уже лишённого всякой социальной составляющей. Человек без бумаг – призрак. Иногда это происходило в пустыне, иногда на необитаемом пляже или в роще к югу от столицы. Лучше не сваливать их в тесные общие могилы. Исчезнувшие не должны объединяться в группы: пусть каждый спускается в яму один, не встречая глаз, дающих ему некое определение.

Они сами рыли себе могилу. Любопытно, что все получались разные: некоторые выходили прямоугольными, другие бесформенными из-за дрожания рук. Кто-то рыл большие глубокие ямы, словно для коровы, или, наоборот, такие крошечные, что надо было разрубать тело надвое. Любопытно, что люди умственного труда копали совсем мелко.

Нет большой разницы между смертью кролика и человека: удар по голове сзади – и комедия окончена. Конечно, я никогда не бил кулаком – только

бейсбольной битой, из соображений гигиены. Потом засыпал камнями и землей, и точка. Исчез навсегда!

Да, устроить исчезновение человека стало для меня рутиной. Но в тот летний день очередь обвиненных закрутилась в спираль, чтобы поместиться в комнате Бюро расследований. Воздух стал спертым. Я едва-едва проталкивал голодных крыс им в зад. По моему потному животу скользнул пистолет и вывалился через брючину. Я нагнулся поднять его. И тут случилось то, что принесло мне погибель: явилась идея!

Словно солнце неуместным образом сверкнуло в моей голове, осветив воспоминания, письменные приказы, давние верования. Выпрямившись, я ощутил, что череп мой – сундук, набитый ядовитыми алмазами. Это ощущение было столь отвратительным, что я надел темные очки, боясь, как бы кто-нибудь не обнаружил содержимое моих мозгов. Все прошлое предстало передо мной тошнотворной лавой; несмотря на все усилия, я устыдился своих жалких представлений и, наконец, счел смехотворной свою страсть: добиваться исчезновения людей идеальным образом.

«Это был приступ постыдной слабости; надо укрепить дух. Так же, как я породил эту идею, я уничтожу ее!».

Я попросил долгосрочный отпуск в Пыточном Комитете. И получил его так легко, что самолюбие мое было задето. (Особенно когда я узнал, что мое место занял неотесанный боксер). Недели напролет я проводил взаперти, напрягая свой мозг. Я наклонялся

бессчетное число раз. Растягивался на кровати, глядя в потолок, или ложился ничком, – голова моя свешивалась набок с матраца. И ничего не случалось. Смачивание переносицы кипятком, удары кулаком по подбородку, битье ботинком по затылку, – все оказалось бесполезным.

Внутри меня идея сверкала блистательным скорпионом. Я понял: нечто постороннее хочет использовать меня как свое орудие.

«Она создана не для меня. Когда я наклонился, она явилась с окраины мозга, чтобы угнездиться в его центре и, в конце концов, разрушить мою жизнь. Я запрещаю ей срываться с моих губ! Я должен забыть ее!»

Месяцами я пытался. Я мало ел, пропадал в кинозалах, участвовал в религиозных и политических шествиях, выучил наизусть новую Конституцию, прибегал к алкоголю, к морфию, к сексуальному оуплению. Бесплодные усилия: я забыл даже собственное имя, но идея не потеряла своей чистоты!

Я решил перерезать себе горло: последнее средство. Однако меня стали терзать сомнения. Это ли способ избавиться от идеи? Что, если потом умрет бывший боксер, этот тупица, – уронит что-нибудь, например, клещи для вырывания груди? Найдя мое тело, похоронщики склонятся над ним. Четырнадцать раз в неделю человек опускает голову, завязывая и затем развязывая шнурки. Все наклоняются много раз за день, по разным поводам! Кто гарантирует, что, освободившись от меня, идея не возникнет еще в чьем-то черепе?

И я не пустил в ход наваху.

«Такое чувство, что со мной играют. Единственный способ избавиться от этого чудовищного явления – сделать то, что я отлично умею делать: исчезнуть».

Я строго следовал ритуалу: телефонный звонок-приказ, и вся система пришла в движение. Меньше чем за двое суток я превратился в сеньора Ничто. В ближайшую субботу я сел в машину и поехал на пустынный пляж, полный водорослей. Там, голый, я дал волю своему отвращению. Сотрясаемый страшными приступами рвоты, я изверг из себя кости правой ступни, левой, потом бедренные кости, лобковую кость, позвоночник – он вылез, как белый червяк, – ребра, кости рук и черепа, затем все, что осталось от скелета. Превратившись в бесформенный тюк, я исторг из себя кишки, желудок и прочие внутренности. За ними последовали мускулы, артерии, вены, нервы, подкожный жир, и, наконец, кожа, похожая на большой сухой листок. Не осталось рта, вообще ничего. Нет, неправда: между водорослей издыхающей рыбой трепетала проклятая идея.

С легкой душой я вступил в мир исчезающих. И нашел его пустым. Как только я стал тенью, все они, выйдя из забвения, начали появляться обратно.

174. НЕНУЖНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Он бродил по городу, жители которого спешили пораньше вернуться домой, чтобы их не застиг комендантский час. У него было бесконечное множество ответов, но он не встретил никого, кто желал бы задать вопрос.

175. КОНЦЛАГЕРЬ

Узник простирает пальцы и рисует в воздухе лабиринт, по которому блуждает его душа, ища выхода.

176. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Последнее человеческое существо кинуло последнюю лопату земли на могилу последнего мертвеца. В этот момент он осознал, что бессмертен, ибо смерть существует только в глазах другого.

Слава Богу, я не родился бедняком. В семье меня научили презрению к нищим, которые не дают спокойно поесть на воздухе, корча невыносимо печальные рожи, чтобы мы им кинули косточку с блюда. Мой отец – безупречный серый костюм, белая рубашка, неяркий галстук, – благопристойный обладатель неизменно полного бумажника, а значит, и душевного спокойствия. Пропорции его тела подчеркивают – без ненужного бахвальства – высокое происхождение нашего рода. Высота его головы составляет ровно одну восьмую от высоты тела. Глаза располагаются точно посередине головы. Правая и левая половины тела одинаковы. Если его распилить надвое вдоль, обе части будут зеркальными копиями друг друга.

18 сентября, в День Отечества, мой отец сказал мне голосом не слишком высоким и не слишком глубоким:

– Если мы те, кто мы есть, если мы имеем то, что имеем, то это потому, что мы окружены слугами,

умеющими нас защищать. Я отведу тебя на Марсово поле, показать парад нашего доблестного войска.

Там, в тени навеса, стоял президент в окружении министров, и все были абсолютно симметричными. Солдаты шли небольшими четырехугольниками – двадцать человек в шеренге, сорок в колонне, – в грибовидных шлемах и масках Микки Мауса. Подойдя к трибуне, они стали выбрасывать ноги на высоту живота и затем сильно топали, опуская их назад. Пряча горделивую улыбку – любое выражение эмоций на лице было запрещено – отец прошептал: «Не забудь, сынок, вот это гусиный шаг!». – «Я боюсь, этот грохот – как ураганная стрельба! Для чего все это?» – «Чтобы пугать оборванцев, а еще – чтобы давить муравьев». – «Но что им сделали бедняки?» – «Они... попадают на встречу!».

И впервые – хотя муравьи были мне безразличны: мать при виде этих крохотных тружеников, обычно забиравших на кухню, неизменно доставала домашний огнемет и, сдерживая ярость, с коротким возгласом «Воры!» обращала их в пепел, а мое сердце совсем не обливалось кровью, – впервые мои жилы пронизала странная боль, которую позже я определил как «сострадание».

Отпустив прекрасно вылепленную руку отца, с пальцами правильной длины и безупречным белым полумесяцем на ногтях, я пробрался между ботинками карабинеров, перепрыгнул через ограду, побежал к аллее и, встав посреди нее, протянул руки к прямоугольнику солдат.

– Не поднимайте ноги так высоко! Не мучьте землю! Подумайте о бедных муравьях! Шагайте на цыпочках! Обходите их! Это же наши муравьишки! Чилийские!

Что было делать благородным жандармам? Резко затормозить ход, чтобы на них налетела шеренга идущих сзади? Попадать наземь, словно кегли? А с другой стороны, мог ли президент приказать своему войску остановиться и признать тем самым, что какой-то мальчишка важнее всей его армии? Поэтому было принято единственно возможное решение: не заметить меня. Солдатские башмаки, в своем неумолимом продвижении, прошли по моему телу.

Парад длился около часа. Когда глава государства, министры, пять тысяч солдат и многочисленные зрители покинули Марсово поле, я остался лежать на грунтовой дорожке красноватым пятном, плоский, точно камбала. Отец, спрятавшийся за дерево от стыда, подобрал меня, свернул, положил в свой зонтик и тайком принес домой, в нагорный квартал, надеясь перелезть через стену так, чтобы охранники – или их псы – не обратили внимания, что с ним его недостойный сын.

Голова моей матери тоже была ровно в восемь раз меньше высоты тела, и ее правая половина тоже совпадала с левой... Увидев меня распростертым на столе, почти неотличимым от скатерти, она сказала своим голосом – не слишком высоким и не слишком глубоким:

– Наш сын поступил очень опрометчиво. Надо, чтобы соседи не узнали. Пойдем в морозильную комнату.

Там на мраморных столах лежала сотня симметричных тел, с полнейшим зеркальным подобием, и все ждали моего решения.

– К счастью, мы достаточно богаты и, предвидя будущее, мы собрали эту коллекцию образцов, чтобы ты не погиб, как сын оборванцев, от первого же несчастного случая и имел возможность выбирать...

Я обследовал тела, одно за другим: измерил их, изучил издали и вблизи, спереди и сзади, примерил на себя выражение лиц, но оставался в сомнении. Мои родители начали простужаться. Четыре симметричных бабки и деда ворвались в морозильную комнату.

– Пора выбирать, раздавленный жабеныш. Еще немного, и мы схватим воспаление легких.

– Я выбираю собственное тело, такое, как оно есть сейчас!

– Невероятно! – выдохнула мать.

– Невероятно! – выдохнула мать моей матери.

– Невероятно! – выдохнули три остальных прародителя.

– Сын мой, подумай, ведь все скажут, что из-за нехватки средств мы не смогли обеспечить тебя симметричным телом, – нехотя вымолвил отец, заикаясь.

– Если тебе дана возможность получать новый организм всякий раз, когда старый пострадал, и с обязательным поступком соединен свободный выбор, – такую возможность следует ценить, это твой моральный долг. Ты разве не понимаешь, что вся семья станет посмешищем, если в «Вида сосьяль» напечатают

наше фото вместе с тобой, плоским, как раздавленный слонем гамбургер? – запричитали родичи, перемежая жалобы чиханием.

Мать упала в обморок.

– Хватит этого лицемерия! Дайте мне идеальное тело, приготовленное для меня!

Семейство еле сдержало облегченный вздох.

Открыли роскошный холодильник. В нем, завернутое в золотую бумагу, лежало идеальное тело, голова которого была меньше туловища ровно в восемь раз, точно посреди нее располагались глаза, а правая и левая половины были зеркально подобны.

Я медленно освободился от своего уплощенного тела и вошел в новое.

Семейство благословило меня:

– Да умножит Господь твое состояниис. Да встретишь ты зеркально симметричную, достойную тебя супругу.

– Благодарю, – ответил я голосом не слишком высоким и не слишком глубоким.

И жизнь продолжилась в своем привычном однообразии. Мы вставали в одно и то же время, завтракали всей семьей, не производя звуков при жевании, копили чеки, присылаемые запуганными съемщиками, гасили свет в положенный час и засыпали, подключившись к специальному компьютеру, отгонявшему ночные кошмары. Все говорили, что счастливы, – кроме меня. В моих ушах то и дело раздается мерный топот идущих гусиным шагом. Прячась под одеялом, грызя подушку, я подавляю всхлипы. «Бедные муравьишки!».

178. КОНСКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Великий воин обуздал дикого коня и верхом на нем покорял города, страны, континенты. Когда хозяин умер, конь гордо воскликнул: «Я продолжу завоевание!» – и кинулся в атаку. Его убили через несколько мгновений, а тушу бросили собакам.

179. ДА ПОГИБНЕТ ЛУНА!

Великому Диктатору приснился дурной сон:

Превратившись в мышь, он наблюдал рано утром за своей тенью и ощущал собственную безмерность. Он прогрызал каменные стены, проникал в кладовые, чтобы пожрать килограммы сыра; взбирался на террасы, где его ждали сочные фрукты, разложенные для просушки; вспугивал голубей, не гнушаясь их кормом из зерен. И однако, он понемногу терял уверенность и в полдень на какой-то миг завыл, посчитав, что небо упадет на него. Но затем, капля по капле, его вера в себя стала расти. Рьянее, чем когда-либо, он опустошал амбары, оплодотворял самок, преследовал самцов слабее себя, пока солнце не скрылось за горизонтом. Оставшись без тени, он понял, что очень мал, что почти не существует. Он решил достичь луны, чтобы увеличиться от ее света, и прыгнул в колодец. Там он и утонул.

Он проснулся, свистя и сопя от ярости. И приказал построить ракету для уничтожения луны.

В этом городе все дома были без окон. Они высились темными кубами. Света в городе не знали. По улицам плыли вереницы теней, ибо загрязненная атмосфера ставила непреодолимую преграду на пути солнечной ласки. И еще: обитатели этого мира не имели носов. Полагая себя счастливыми, они жили во тьме, озабоченные лишь работой – ради наполнения желудка – и удовлетворением сексуальных потребностей. В один прекрасный день появилась старуха, возглашавшая: «Продаю лампу и нос!». Проходивший мимо горожанин почувствовал, как ноги несут его к странной женщине: глаза ее светились в темноте, словно два светляка. Он купил и лампу, и нос, а когда захотел расплатиться, старуха отказалась брать деньги. Человек быстро вернулся в свой дом-куб. Стоило ему закрыть за собой дверь, как невыносимый запах ударил ему в ноздри, достиг мозга. Он зажег лампу. То, что он считал красивым, чистым, уютным жилищем, оказалось вместилищем пауков,

мусора, гниющих остатков пищи, мебели с изъеденной обшивкой, жира, крысиного помета. Оставаться в таком ужасном месте было невозможно! Он побежал по улицам, встретил старуху. «Ведьма, что ты сделала с моим чудесным домом? Я жил прекрасно, как все, но стоило мне приделать себе нос и зажечь лампу, и они изменили мой мир. За что мне это проклятие?». Женщина ответила: «Твой мир не изменился, он таким и был! Раньше ты не сознавал этого, думал, что тебе хорошо в доме, который рано или поздно уничтожил бы тебя. Когда у нас добавляются новые органы и зажигается свет, мы страдаем, ибо видим себя, каковы мы есть на деле, а не в воображении. Теперь ты знаешь все о действительности вокруг себя. Открой же окна, изничтожь насекомых и крыс, вымой стены, наведи чистоту везде – и ты будешь счастлив. А потом передай лампу и нос другому горожанину, как это сделала я!».

181. ГЕРОЙ И ДУРАК

Тиран истреблял целые селения. Те, кому удавалось бежать, уходили в повстанцы. Между ними нашелся один, неспособный носить оружие, – он посвятил себя готовке. Однажды в опустошенной деревне нашли умирающего младенца. Родителей уже не было в живых, и его решили бросить. Тот, ущербный, воспротивился этому и пожелал усыновить ребенка. Малыш выжил и быстро рос. Повар учил его единственному, что умел делать: готовить. Сидя все время у очага, мальчик видел, как его сверстников отцы учат обращаться с оружием. И вот он стал осыпать неумеху оскорблениями: «Дурак, погляди, что ты со мной сделал: во мне есть сила, чтобы свергнуть десять тиранов, а я помешиваю ложкой твой пресный суп! Стыд, да и только!». И он отправился к воинам. Научился сражаться. Стал вождем. Объединил разрозненные группы повстанцев. Напал на тирана и обезглавил его. Пришел мир, а вместе с ним – эпидемия. Во главе могучего войска вождь обошел всю

страну, сжигая зараженные деревни. В одной из них между трупов плакал младенец. Никто не хотел подойти к нему из боязни заразиться. И вдруг из пламени возник старик в лохмотьях, побежал к ребенку, укусил себя за руку и дал ему попить своей крови. Герой узнал «дурака», подобравшего его в детстве, склонился перед ним на колени и в первый раз назвал отцом.

182. ПОСЛЕДНИЙ ЛЮДОЕД

Хотя он спал у печки, одетый в парадную форму, прикрытый лучшим своим плащом, нежно-зеленым покрывалом и плотным знаменем своего пыточного отделения, он все равно мерз зимой. Ему отвели квартиру рядом с казармой карабинерского запаса, чтобы соседи, не верившие, что он утомлен старостью, не боялись за своих детей. Низкий потолок современной постройки заставлял его ходить по дому пригнувшись. Сотни окороков висели вдоль стен, оставляя лишь узкий проход – от крепкого кресла до бескрайней кровати. Благодаря длинному письму военного министра министру здравоохранения, где разъяснялась опасность держать его на голодном пайке, он был обеспечен необходимой пищей. Каждый окорок – он съедал по одному в день – спасал ребенка. В благодарность за этот жест он разрешил посещения, от десяти до одиннадцати утра, групп школьников в сопровождении священников и официальных лиц. Ребята, в робком восхищении,

предлагали ему шоколадки, и он принимал, чтобы скрыть обильное слюноотделение от запаха этой теплой плоти... Он оставался неудовлетворенным, и поэтому остаток дня тянулся невыносимо долго. Музыка также не служила утешением, поскольку – как бы он ни старался делать изящные движения – его ручищи ломали скрипки и клавиши. С этим демократическим лицемерием не приходилось и мечтать о таком развлечении, как казнь государственного преступника. Его товарищами могли бы стать книги, но было неловко попросить об изготовлении громадных очков, и приходилось скрывать свою близорукость. Когда кадеты из военного училища приходили поглазеть на него, он брал в руки Библию и с блаженной улыбкой притворялся, что читает ее, – словно это занятие компенсировало сполна отсутствие людоедки, которая помогла бы ему создать милую палаческую семейку.

В ночь накануне ежегодного визита президента с супругой – они должны были вручить ему пластмассовую золотую медаль, награду за «обретенную овечью сущность», как окрестили эту добродетель психологи, – ему приснился дурной сон. Он был одет как святой Христофор и пожирал пятилетнюю девочку. Он съел ее всю, кроме пальцев на руках и ногах. Все двадцать он спрятал затем в окороках и пробормотал: «С надеждой на облегчение я не чувствую боли». Он проснулся, исходя слюной, посмотрел на висящие окорока и заплакал.

Когда прибыли президент со своей свитой, он не смог подняться с кресла – только издал приветственное урчание, слабенькое для него, но оглушающее для гостей. По этой причине первая дама государства, которой выпала честь повесить медаль на необхватную шею, подошла к нему, дрожа с ног до головы. Резкий запах адреналина, широко открытые глаза, бритые волосы под мышками и на лобке пробудили в людоеде плотоядность, которую он считал навсегда побежденной. Он взял президентшу за руки – раз – и оторвал их. Потом одним махом откусил ей голову и разжевал. Свита, повалив президента на пол, бросилась, топча его, к двери. Людоед сгреб их, как виноградины с аппетитной грозди. Меньше чем в четверть часа он съел всех. Облизнувшись и удовлетворенно рыгнув, он начал отдавать себе отчет в содеянном. Тысячи сирен завывали в его мозгу, покаянные мысли стали терзать его душу. «Я оставил страну без правительства! Какой ужас!». Плача слезами размером с голубя, он принялся выбрасывать свои окорока в окно. Когда стены остались голыми, а снаружи войско, оправившись от шока, уже наставило на него стволы, он взял разбросанную одежду и обувь своих жертв и вышел на улицу. Там он упал на колени, разбив мостовую. От его рыданий затряслись окрестные дома. Толпа и солдаты, не смея шевельнуться или сказать хоть слово, наблюдали за его тяжким, искренним раскаянием. Генерал начал произносить приказ о расстреле. Но тут вице-президент, который не вошел к людоеду

со всеми остальными из-за того, что решил выкурить сигаретку, прервал командующего: «Стойте! Этот человек – не преступник, он вершитель правосудия! Теперь я могу открыть, что покойный президент украл все золото из казны и отправил его в мешках, под присмотром супруги, в швейцарский банк. Поскольку верховная власть оказалась отныне в моих руках, я назначаю дона Вирхилио Гонсалеса Варгаса (таково его имя, если не ошибаюсь) государственным палачом. Все политики, которые уклонятся от демократического пути, будут пожраны нашим соотечественником-патриотом!».

Людоед дожил до ста десяти лет, не требуя больше окороков, хорошо питаясь, растолстев до размеров горы, и при каждой аппетитной казни раздавались аплодисменты всей страны. Он умер в своей бескрайней кровати, отдавая честь по-военному. Похоронили его в большом гробу, покрыв государственным флагом... На следующий день после его кончины в республике воцарился хаос.

183. ШАРИК

Из-за формальностей протокола королю, безжалостно тиранившему народ, приходилось выезжать из замка в золотой карете, следовать по центральному проспекту до парка, где его ждало войско, и отдавать почести знамени. Недовольство хищническим режимом было столь велико, что тиран опасался за свою жизнь. Охрана принимала все мыслимые меры предосторожности. Первое лицо государства было облачено в кольчугу, карету в пути окружали всадники с копьями, а вдоль улицы стояли солдаты со шпагами, чтобы народ не приближался к золоченому экипажу. На крышах и в окнах виднелись тысячи лучников, готовых выпустить стрелы при малейшем подозрительном движении. Все пути подъезда были перекрыты, на центральный проспект допускались лишь граждане, надлежащим образом зарегистрированные. В довершение всего, стены и крыша кареты были обиты толстым железом. И вот парад! Устрашенные люди в толпе не смели шевельнуть пальцем. Какой-то

старик чихнул – его тут же пронзила сотня стрел... Сын одного из охранников играл в шарики, пристроившись рядом с отцом, пока тот наблюдал за зрителями. Увидев пышную и грозную карету, сын перепугался и выронил шарик. Тот покатился между конских копыт и попал прямо под колесо; наехав на шарик, оно соскочило с оси, карета перевернулась, и тиран был раздавлен ее тяжестью.

184. ПОЛКОВНИЧЬЯ ВОШЬ

Вошь жила смиренно, ведая лишь о пустыне на голове обритого солдата. Она не жаловалась на свою участь – ее предки из поколения в поколение обитали в этих краях – и, зная лишь дурно пахнущую кожу, была неспособна помыслить о лучших местах. Судьбе было угодно, чтобы полковник устроил смотр потному войску. Взволнованная, вошь тоже подняла одну из передних лапок в военном салюте; затем внезапный порыв ветра оторвал ее от зловонного пристанища и перенес на голову полковника. Насекомое преисполнилось гордости. «Вся армия под нашим командованием!» – воскликнула она. Жаркое ощущение власти над другими объяло ее сердце. С того дня вошь презирала своих сородичей. Более того: она взмолилась небесам, чтобы ее хозяин уничтожил их, столь грязных и уродливых. Вцепившись в благоухающую шевелюру, она чувствовала себя владычицей мира, которой все повинуются. И вдруг вспыхнул бунт; солдаты сожгли

полковника из огнемета. Хотя вошь без конца кричала: «Я невиновна!», она сгорела вместе с приютившей ее головой.

Лев единодушно был избран Повелителем леса. Поначалу высокая должность наполняла его гордостью, но через несколько дней он встревожился. На каждой поляне, во всех уголках леса вспыхивали ожесточенные схватки. Никто не мог спокойно ходить по тропинкам. После заката звери, дрожа, закрывались в своих норах. Многие виды животных раскрыли секрет добывания огня и постоянно жгли костры, готовые спалить лес при необходимости, даже ценой гибели большинства обитателей. Повелитель призвал к себе Осла – первого министра – и горько расплакался в его большое ухо:

– Мой верный соратник, у меня не останется сил справиться с такой тяжелой задачей! Мы движемся ко всеобщей гибели!

Осел, сильно напрягшись, подумал и сказал:

– Любезный мой хозяин, если вам не дается решение сложной задачи, попытайтесь решить простую, ту, что в ваших силах. Вы можете привести к покорности весь лес?

– Нет!

– Тогда приведите к покорности тот участок, где вы живете.

– Я не могу, – ответил лев, – при дворе все завидуют друг другу, и я неспособен собрать войско!

– Тогда приведите к покорности свой двор!

– Невозможно! В моем семействе идут такие споры, что у меня нет времени думать о чем-то еще!

– Тогда, Ваше Величество, наведите порядок в семье!

– Не могу, осел ты эдакий, ведь я сам разрываюсь между стремлением послужить моему народу и плотоядным желанием сожрать его!

И хищник прыгнул на первого министра. Осел, уже поедаясь, успел подумать: «Это из-за того, что я попытался сначала сделать более совершенным льва, а не себя».

186. ДЕЛИКАТНОЕ ДЕЛО

Некий господин захотел почистить визитной карточкой зад своему слону. Приступив к деликатному делу, он понял, что небольшой картонки недостаточно: морщинистое отверстие требует по меньшей мере двойного газетного разворота. То ли у него было столько бумаги, то ли не хотелось искать, но наш герой решил зашить задний проход, пока тот не уменьшится до размера монеты в пять сентаво. Затем можно будет легко произвести очистку... В кишках толстокожего животного скопились зловонные массы, которые забродили – и слон взорвался. Один из кусков придавил сеньора, а остальные внесли нечистоту и заразу в его достойное жилище.

Номер в отеле: дверь с множеством замков, кровать, кресло, мини-бар. Дверь открывается, входит посыльный, крошечный, уже почти старик, веснушчатый, с чемоданом в руках. Он ставит чемодан на кресло и застывает на месте. Входит клиент – путешественник в запыленном пальто, над шеей которого расположено лицо столь банальное, что его невозможно описать и тем более запомнить. Посыльный протягивает единственную руку. Ладонь запачкана кровью – очевидно, куриной. Путешественник кладет в нее монету. Калека, за неимением хвоста, двигает ягодицами и бормочет:

– Спасибо, сеньор. Как только я уйду, закройте замки. Они работают автоматически и не откроются до семи утра. Поскольку вы не сможете выйти, под кроватью есть горшок. Не пытайтесь звонить, вражеские алхимики перерезали провода. Если последуете моим советам, то будете спать спокойно, и никаких опасностей. Спокойной ночи, сеньор.

Путешественник голосом, словно доносящимся из глубины веков, отвечает:

– Спасибо, мой друг, спокойной ночи.

Посыльный выходит. Путешественник – при каждом его движении взлетает облачко пыли – закрывает замки. Каждый из них играет короткий военный марш. Потом – тишина. Тишина нездоровая, гнилая, будто забинтованная. Путешественник проверяет, можно ли снова открыть замки; выясняется, что нет. Он издает вздох – так, словно просверливают сейф; похоже, это вздох удовлетворения. Он открывает чемодан, достает бутылку ликера в форме женской ножки и металлический стакан, сделанный из снарядного днища. Наливает себе ликера. Пьет с такой гримасой, как если бы ему проткнули язык. Высовывает пересохший язык, на котором видны упрямые прыщи. Направляется к мини-бару и пытается открыть его. Но не может.

– Вот черт! Ключ не подходит!

Он берет трубку телефона, лежащего возле кровати. Телефон не работает. Человек трясет его, колотит. Наконец, застывает и говорит сам себе голосом, лишенным малейшего оттенка нежности:

– Идиот, тебе же сказали, что провода перерезаны!

Он идет к двери, пытается открыть ее, но не может. Он выходит из себя. Топают ногами. Наконец, останавливается.

– Кретин, тебе же сказали, что откроют только утром!

Он усаживается на кровать. Делает еще глоток. Его бьет дрожь, из-за чего он окутывается облаком пыли от пальто.

– Черт! Безо льда, без соды, так нельзя!

Он поднимает матрас, трясет головой, отгоняя запах плесени и пота, вынимает доску. Затем идет к мини-бару и пробует открыть его, пользуясь доской, как ломом. Та ломается. В отчаянии, точно склочная старуха, он шарит под кроватью и извлекает горшок. При помощи ручки – победный смех! – ему удается открыть мини-бар.

И тут же откуда-то изнутри холодильника раздастся оглушающий вой сирены. Путешественник в страхе закрывает дверцу. Она немедленно открывается снова, металлический вой возобновляется. Стены сотрясаются от жутких ударов. Чей-то голос из мегафона присоединяется к завыванию сирены:

– Не пытайтесь бежать! Открывайте немедленно, или мы стреляем!

– Извините, не могу: замки не работают ночью!

– Прекратить сопротивление! Открывайте!

– Я же сказал: не могуууу!

От сильного взрыва в двери возникает дыра. Трое полицейских с автоматами, в бронежилетах и шлемах, врываются в комнату.

– Руки вверх, ублюдок! Одно подозрительное движение – и мы вышибем тебе мозги!

Первый из стражей закона сует ствол автомата в рот путешественнику. Второй надевает хирургические перчатки, роется в мини-баре и выключает

сирену. Третий принохивается к горшку. Тот не пахнет ни мочой, ни испражнениями. Подозрительно!

– Святотатственный взлом дверцы священного мини-бара! Seriously... очень серьезно!

– Друзья мои, я ничего не хотел взламывать. Мне дали не тот ключ...

От пощечин бледные щеки путешественника краснеют.

– Мы тебе не друзья, урод! Запираться бесполезно! Они звонят по мобильным телефонам.

– Немедленно принесите список содержимого! Посмотрим, сколько чего украли!

Тут же появляется посыльный, потрясая длинным листом бумаги. Он встает на колени перед мини-баром и, перекрестившись, изучает содержимое, громко все перечисляя. Голос его такой же, как у куклы чрево-вещателя.

– Три бутылки соды, есть... Томатный сок, манговый сок, яблочный сок, есть... Две упаковки соленого миндаля, есть... Бутылочка коньяка... текилы... джина... водки... есть... Пищевые продукты не тронуты... О! О-о-о-о! Подонок! Не хватает главного: философского камня, универсального растворителя и эликсира жизни! Трех алхимических веществ!

Путешественник вздыхает. Капли стекают по его землистому лицу, оставляя темные следы. Кажется, будто голова за решеткой.

– Господа, произошло недоразумение. Алхимия меня совершенно не интересует. Я хотел выпить виски с содовой, и все.

– Объяснение не принимается! Все граждане обязаны знать наизусть алхимический кодекс! Никто не может ссылаться на его незнание! Сказать «алхимия меня совершенно не интересует» – значит изобличить себя в предательстве!

Полицейские глумятся над путешественником, пиная его в живот в спину, в ребра, в голову. На пальто появляются кровавые бабочки.

– Что ты сделал с камнем? Что ты сделал с растворителем? Что ты сделал с эликсиром?

От страшной боли стоны путешественника превращаются в яростные вопли. Он скидывает пальто. Обнаруживается туника, вроде той, в которую одет Христос на дешевых картинках.

– Собаки дерьмовые! Проклятый камень, проклятый растворитель, проклятый эликсир, – я все проглотил! Все ваши вещества!

Под ногами полицейских и носильщика пол словно превращается в болото. Они шатаются, как пьяные.

– Нет! Не может быть!

– Повторяю, козлы, я все проглотил! Переломайте мне кости, вскройте живот, забрызгайте комнату моей кровью! Пользуйтесь своей бессильной властью над моим телом, жалкие прислужники!

Путешественник, вне себя, в экстазе от боли, выходящей за пределы чувств, наступает на полицейских, раскинув руки, как будто это ангельские крылья. Посыльный, издав попугайское «тр-р-р-р», исчезает. Просветленный цепляется за форму одного

– Змей-искуситель! Наш долг – заставить тебя выbleвать камень, растворитель и эликсир!..

Все трое, согнувшись под прямым углом, выставив носы-гарпуны, бросаются на путешественника. Тот останавливает их величественным жестом. Они падают на землю, как псы при виде грозной хозяйской палки, и со стоном просят прощения. Сладкая улыбка сменяется выражением беспощадного гнева.

– В наказание за ваш гнусный бунт я совершу – здесь и сейчас – Великое Алхимическое Деяние!

– Оооо! Нееееет!

– Оооо! Даааа! Немедленно покиньте зараженную магму вашего внутреннего «я» и обретите Высшее Сознание!

– Смилуйтесь! Все, кроме этого! С тем, что вечно, не играют! Высшее Сознание не для нас: стоит пробудить его, как оно разорвет нам мозги! Сжальтесь!

– Хватит! Обретайте сознание, или я вас растворяю!

Путешественник грозно протягивает указательный палец. Полицейские воют и сбиваются в клубок, стараясь прикрыться друг другом. Они хнычут:

– Мы такие сложные, мы сбились с пути и не ведаем, откуда идем, куда идем, кто мы... Редко нам доводится мыслить ясно: мы во власти эмоций и инстинктов, мы не знаем, ради чего стоит трудиться... Мы хотим стать лучше других и познать истины, недоступные им. Но как? Как достучаться до своей собственной души, чтобы ее сила проникла в то, что зовут «личностью»?

– Жалкие койоты! Когда вы избавитесь от всех определений, Высшее Сознание станет частью вашего разума! Вы будете обращаться к нему посредством молитвы! Прекратите хныкать и выкиньте из своих зловонных мозгов все случайное!

Трое полицейских, выкатив глаза и не моргая, выкрикивают, осмелев, словно отвечают на приказания генерала:

– Долой мое имя! Долой мой возраст! Долой мою национальность! Долой мой пол! Долой мои идеи! Долой мои чувства! Долой тиранию моего тела! Приди, Высшее Сознание, обитающее во мне! Думай моим разумом! Чувствуй моим сердцем! Дрожи моими инстинктами! Направляй мои руки! Овладей моей волей, чтобы я стал неподвластен страстям! Говори моими губами! Говори моими губами! **ГОВОРИ МОИМИ ГУБАМИ!**

Полицейские впадают в транс. Двигаясь, как зомби, они окружают путешественника, у которого тоже выпучены глаза. Из горла иноземца вырывается глубокий, нечеловеческий голос, полицейские же выговаривают фразы так, будто слова идут из самой души.

– Я – господин и повелитель твоего разума. Я могу существовать, замкнутый в тебе, или же распространяться в разные области посредством твоего сознания. Чтобы позволить мне завладеть тобой, ты перестал быть трупом, одушевленным только животными инстинктами, ты превратился в подлинного человека, управляемого лишь мной, – твоей нетленной сущностью. Благодарю, что вверил мне руководство

и позволил проявляться через твой разум. Я могу сделать так, что Слово, в конце концов, станет творцом материи. Вот так: я скажу «огонь» – и все запылает... Пусть же все пылает! Огонь!

И как раз в этот миг – чудо или авария в сети? – освещение в комнате становится красным. Из горшка вырывается огромный язык пламени и плотный дым... Путешественник злобно хохочет. Полицейские внезапно выходят из транса и жмутся, испуганные, дрожащие, к стенам, царапая их, словно хотят залезть наверх.

– Нееет! Последний огонь! Геенна! Дьявольское алхимическое всеочищающее пламя! На помощь!

Задняя часть их брюк окрашивается коричневым. По ногам течет густая желто-оранжевая моча. Бледные лица делаются зелеными. Ужас их так велик, что они почти не могут дышать.

И вдруг входит посыльный в пожарной каске, резиновом плаще, с ведром воды. Он спокойно выливает ее в горшок. Теперь освещение вновь белое. Пламени больше нет. Посыльный голосом чревоуважающей куклы объявляет:

– Пожар потушен!

Переведя дух, полицейские бросаются на калеку, волокут его в дальний угол и скрывают своими телами.

– Ради нашей святой матери-шлюхи, берегись! Философский камень в его желудке дает ему всевластие Высшего Сознания! Стоит ему сказать «тараканы», и мы будем раздавлены мириадами этих противных тварей!

Путешественник угрожающе рисует в воздухе какие-то лабиринты.

– Да, падаль в погонах! Я говорю «свиньи»! Свиньи! Пусть явится стадо свиней – с копытцами, пятчачками, хвостами в виде штопора, щетиной и визгом похотливых ангелов!

Полицейские еще сильнее налегают на посыльного и дрожат, пока не становятся похожими на большой кусок желе.

– На помощь! Берегитесь нашествия священных свиней, гласит новое евангелие! «Излюбленная пища священной свиньи – мясо полицейских»! Снизойди к нам, Центральное Сверхуправление, выручи нас!

На губах путешественника появляется густая пена. Вены на шее, уже вздувшиеся, кажется, вот-вот лопнут. Голос у него тонкий, как нескончаемая булавка:

– Свиньи! Хочу свинеееей!

Посыльный выбирается из объятых ужасом клубка и, коварно усмехаясь, растопыривает пальцы и обмахивается.

– Чушь, друзья мои! Этот самозванец ничего не глотал! Единственное, что появилось, – вши у него на голове. Дело в том, что мы ошиблись дверью. Алхимические сокровища лежат в мини-баре соседнего номера.

Путешественник снова заворачивается в пыльный плащ, словно тот дает ему защиту.

– Ложь! Я проглотил их! Вот доказательство: я сказал «огонь», и из горшка вырвалось пламя!

Однорукий коротышка встает на цыпочки и презрительно хлопает постояльца по лбу.

– Пьяный дурак, здесь полно светляков... В твоей моче столько спирта, что искра одного из них воспламенила ее. А вы, легковверные полицейские, не теряйте здесь времени. В соседнем номере заперся какой-то тип. Может быть, это шпион каббалистов...

Слышится звук сирены в другом мини-баре. Посыльный рвет на себе волосы.

– О-о! Случилось то, чего мы так боялись: сын лжедевственницы вскрыл наш мини-бар! Быстро! Спешите, ломайте дверь, пока он не проглотил священные алхимические предметы!

Спотыкаясь о путешественника, который падает на пол, полицейские выбегают прочь, а за ними и посыльный. Слышно, как они молотят в дверь, затем сокрушают ее. Человек поднимается, встряхивает пальто, – облако пыли заполняет комнату, – садится на кровать. Он внимательно смотрит на ладонь левой руки. Говорит торжественно:

– Роза!

И безуспешно ждет, что на ладони возникнет роза. Потом набирает в легкие воздуха и кричит: – Рооооза!

Но ничего не происходит. Он кричит громче, несколько раз «Роза!», потом устает и падает ничком на кровать. Зарывшись лицом в подушки, он рыдает, как ребенок. Душераздирающий плач гаснет в облаке пыли, а в горшке между тем начинает расти роза. Она вытягивается все выше и выше.

Худосочное освещение, точно под воздействием магнита, сосредотачивается на цветке. Путешественник же все рыдает в полумраке.

188. ЗОЛОТЫЕ СЛЕЗЫ

Когда случилось это необычайное и счастливое событие, все члены семьи предложили разные объяснения его причин. Донья Луиса, мать, считала, что ребенка в лоб ужалила золотая стрекоза; дон Луис, отец, полагал, что малыш проглотил несколько семечек радиоактивной айвы; бабушка, вдова, верила, что дело в статуе святого Иакинфа, при последних словах мессы упавшей на голову Домингито; брат Маурус, дядя по матери, – целомудренный не только стыдными частями тела, но и всеми пятью чувствами, – настаивал, что начало этому положила чудесная облатка, съеденная мальчиком. И наконец, Никомед, дядя по отцу, упрямый выпивоха, твердил, что виной всему ангел-хранитель ребенка, закоренелый педераст. Что бы там ни было, правда заключается в том, что однажды утром Домингито проснулся, плача золотыми слезами.

Дон Луис решил было, что это обычный гной, но твердость слез и отсутствие дурного запаха

породили в нем сомнения. Он собрал их и отнес в ближайшую ювелирную лавку. «Двадцатичетырехкаратное золото, то есть чистое! – сообщил ему ювелир. – Я покупаю все». Черт, пачка банкнот от ювелира позволит ему внести трехмесячную плату за квартиру! И дон Луис побежал домой расспрашивать сына.

– Домингито, что тебе снилось? Ночной кошмар? А если ты уснешь сейчас, увидишь его снова?

Донья Луиса, бабушка и оба дяди (брат Маурус, извещенный о чуде по телефону, сел на мотороллер и немедленно примчался к родственникам), столпившиеся позади дон Луиса, бросали на мальчика, как и он, озабоченные взгляды.

– Не знаю... не помню... Мне ничего не снилось... Отведите меня в школу...

– Непослушный мальчишка! Говорят тебе, ты должен снова заснуть!

– Но я спал всю ночь... Хочу встать...

– Неет!

Ребенок попытался подняться, но десять рук удержали его в постели. Домингито заплакал. Из его глаз хлынули две золотые реки!

Взрослые собрали драгоценный металл, кудахта от счастья. Малышу не надо было спать и видеть сны: каждый раз, когда было из-за чего плакать, показывались золотые слезы.

Никомед захотел проверить это. Как только Домингито успокоился, сытно позавтракал и собрал тетради и книги для занятий, дядя дал ему крепкую пощечину. Изумительно: снова золотые слезы!

Ням! По одной пощечине в неделю – и они заживут как короли!

Настали четыре месяца блаженства. Если удар по щеке был правильно рассчитан – то есть так, чтобы не сломать зуб, – за ним следовали полчаса громких рыданий. Целое состояние! Семейство перебралось на девятый этаж, в квартиру площадью триста квадратных метров; обновило свой гардероб, от обуви до шляп; приобрело холодильник, набитый четырьмястами кило аргентинских бифштексов; хвасталось пикапом последней модели. Что касается Домингито, жаловаться ему не разрешалось. Конечно, лицо его по временам покрывалось темными пятнами, но зато, запертый в своей комнате, он получал взамен вагоны игрушек.

Трудности начались на пятом месяце. Мальчик, привыкший к наказаниям, не только утратил страх вместе с удивлением, но даже пристрастился к боли. Чем сильнее была оплеуха, тем шире он улыбался.

– Что будем делать? – промурлыкал брат Маурус. – Этот шалопай сделался мазохистом! Смотрите, я колю его в башку иголкой, а он и ухом не ведет! Не кажется ли вам, что с ним надо бы поступить, как с нашим Юсподом: взять три толстых гвоздя, пару деревяшек и распясть?

– Святой брат, – обратилась к нему мать, – чтобы курица несла золотые яйца, не стоит делать из нее бульон. Лучше принести в жертву Пепю, его ангорского кролика.

В присутствии ребенка, привязанного к стулу, чьи вески были подняты и закреплены при помощи липкой ленты, зверька пригвоздили в стене, растянув ему лапки. За неимением копыя бабушка вонзила ему в брюшко вилку. Кролика, истекающего кровью, оставили умирать, в то время как Домингито кричал от ужаса. Золотые слезы текли безостановочно целую неделю. Чтобы утешить мальчика, родственники подарили ему – после того как приобрели прекрасный участок у моря – белую мышь... умерщвленную через полгода. (Рыдания по этому поводу позволили возвести на участке виллу). То же самое случилось и с собачкой чихуахуа. Но когда ребенку навязали полосатого кота, он выгнал того пинками. То же самое с белкой, шимпанзе и попугаем... Пришлось менять тактику.

Поначалу думали отрезать Домингито фалангу пальца, но, вспомнив, что он стал нечувствителен к физической боли, решили истязать его морально. Дон Луис запачкал свою одежду и голову куриной кровью и растянулся посреди улицы – так, чтобы из-под рубахи виднелись коровьи кишки. При словах доньи Луисы: «Твоего отца задавили!» мальчик выбежал из дома, увидел лежащее тело, сделался блее своих носков и завизжал. Бабушка и дяди собрали в хрустальный рог все слезы до единой. А затем дон Луис со смехом поднялся, и все семейство тоже зашло в хохоте. «Это шутка, дурачок!..» Однако Домингито был не таким уж дураком. В следующий раз, когда брат Маурис якобы разбился на мотороллере –

его тонзура была облеплена телячьими мозгами, – мальчик, смеясь, подошел к «покойнику» и помог ему на лицо.

Семейство в отчаянии – дела из-за отсутствия драгоценных слез пошли на спад – потеряло рассудок и пустилось на бессмысленные действия: мальчика пытались поразить зрелищем грязных порноснимков; нанимали актеров, загримированных под мумию, Дракулу и прочих чудовищ, чтобы они выли всю ночь и стучали в окна; грозили ребенку, что его бросят львам в зоопарке; и наконец мать припугнула Домингито, что из-за вечно сухих глаз ему отрежут шею навахой. Без толку! Душа ребенка сохлась, как кожа, и ничто больше не заставило бы его плакать.

Реальный мир, как и мир снов, является танцем, в котором события происходят всегда в нужный момент: слух о мальчике с золотыми слезами распространился, и его похитили. Семейство ждало у телефона, готовое заплатить столько, сколько потребуют бандиты, но в эти бесконечные дни не раздалось ни одного звонка. За неимением сырья на продажу, уверенные, что его источник закрыт для них навсегда, родственники с величайшей горечью уже решились на продажу всего, что досталось им с таким трудом.

Вышеназванные бандиты (на деле – почтенный аптекарь с женой), видя, что прижигание ступней серной кислотой не действует на мальчика, решили разжалобить его нищетой. Его привезли в беднейшую деревню и кинули сдобную булку в толпу обрванных, рахитичных детей. Первобытная схватка

между ними – каждый старался заполучить кусок маленькой булки – так опечалила Домингито, что внутри него открылись плотины, сдерживавшие злобу, и потекли слезы; но на этот раз не золотые, а медовые. То был мед слаще, чем в лучших ульях. Счастливые дети бедняков стали облизывать ему щеки – одной капли хватало каждому, чтобы насытиться на день, – а он плакал и плакал. Сладкая жидкость вылечила бедняка, который еле дышал из-за легочной инфекции; у кого-то прошла чесотка; паралитик, помазавший себе ноги, встал и пошел; все болезни в деревне исчезли. Аптекарь с супругой, боясь быть растерзанными, не осмелились увезти похищенного обратно. Они послали анонимную записку семье с указанием, где он. Родители, бабушка, дяди приехали немедленно, прихватив взвод карабинеров. Те разогнали дубинками голодных босяков и вызволили чудесного ребенка.

Усевшись вокруг прочного семейного стола, родственники – воображая, как они будут собирать новые слезы в бутылку и продавать их втридорога, как безотказное средство, – слушали Домингито, говорившего по-взрослому: «Дорогие мои, я поплачу в последний раз, и эти слезы даруют вам вечную жизнь!». И снова из его глаз покатались медовые слезы. Языки родственников жадно облизали его вски. Семейство впало в экстаз от такой сладости. Понемногу пища парализовала их – и, мертвые, они получили, как и обещал ребенок, страшную вечную жизнь.

189. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Хамелеон с грустью осознал, что если он хочет выяснить свою подлинную окраску, ему следует поместить себя в пустоту.

Никто не встревожился, когда его комнату нашли пустой. Хозяйка сказала: «Тот, из тринадцатого, куда-то исчез». И все продолжили есть. Один из постояльцев пансиона просыпал рис себе на одежду. Пока он чистил себя, слуга воспользовался минутным молчанием и сказал: «Я так и знал, что этот Октавио исчезнет, и не убрал его комнату».

В университете Октавио не жаловали – он прогуливал курсы алхимии и копьemetания. Профессора смотрели на него с пренебрежением, ректор запретил ему доступ в Центр фонетических исследований. Октавио не заслужил такого: он был прилежным студентом, но не в тех предметах, которые интересовали других.

Он создал теорию. «Голос исходит не от связок в горле и не от воздуха, который шевелит ими. Он существует сам по себе, без источника. Просто он – пленник горловых мускулов и зависит от воли человека... Я хочу освободить его. Сделать так,

чтобы он появлялся из другой части тела: из глаза, из руки. А после этого – освободить его от моей воли. Он будет звучать когда хочет и где хочет. И я услышу его».

Октавио покинул университетский городок и снял комнату в пансионе. В коридоре он не появлялся, и про него стали забывать. Слуга его игнорировал. В постели Октавио завелись паразиты, ему пришлось привыкнуть к лишениям: он мог неделями жевать черствый хлеб, запивая водой. Ему даже не требовался сон: в лихорадочном возбуждении он бодрствовал, работая согласно своей методике.

Много времени прошло – насекомые, словно корабельные крысы, покинули его, не извлекая ничего больше из-под сухой кожи, – пока Октавио не нашел то, чего искал. Той ночью он грыз корку, поранился, издал стон, который вышел из ноги. Обезумевший, торжествующий, он выбежал на улицу голый. Но никого это не обеспокоило. Все продолжали есть.

Октавио не мог уйти далеко в чем мать родила. Деревянные кирпичи мостовой разбухли от дождя. Ключи, подвешенные над дверью слесарной гильдии, позвякивали от морского ветра, качались вывески с рекламой газировки. За окнами девушки, сидя у телефона, играли на лютне, а вдали, за городом, цветы карликовых апельсинов насыщали ароматами тревожный воздух. Октавио шел босиком, наугад, разговаривая всеми частями тела, выбалтывая все, вплоть до своих секретов.

Вскоре от холода он не выдержал и свалился перед изъеденной деревянной дверью. Это услышал мастер Брумштейн.

Мастер Брумштейн делал свои башмаки вручную. Затем продавал их в рассрочку. Никто не платил ему больше половины оговоренной цены. Когда он шел получать деньги, ему не платили, возражая, что башмаки плохо сделаны. Если же сапожник настаивал, ему давали бутылку водки и выгоняли ударами палки. Старик возвращался в мастерскую, плача, глотал спиртное и взывал, пьяный, к своему божеству Ципельбруму – деревянному идолу с человеческим голосом, который однажды спустится и дарует ему счастье.

Он пел свои псалмы, когда понял, что в дверь стучатся. «Кто хочет прервать в этот час мою молитву? Посмотрим». И он увидел Октавио, распростертого перед дверью. Башмачник опустил дрожь, жжение в глазах, жужжание в ушах. Он заворочал пересохшим языком:

– Ципельбрум явился!..

Кожа Октавио так загубела, что ее легко можно было принять за дерево.

Мастер Брумштейн втащил обморочного Октавио внутрь, поискал молоток, прибил гостя к стене, зажег перед ним три свечи и стал ждать.

Очнувшись, Октавио решил, что грезит. Он был прибит гвоздем к стене темной комнатки, полной пустых бутылок, кусков кожи, гипсовых болванок,

а перед ним стоял на коленях пьяный старик и рыдал, колотя себя в грудь недоделанным башмаком.

– Кто ты? – спросил Октавио.

– Он говорит человеческим голосом! Не двигая губами, он ведь деревянный! О Ципельбрум, я знал, что однажды ты придешь и даруешь мне счастье!

– Какого счастья ты ждешь от меня?

– Чтобы мои должники расплатились со мной!.. Ведь будет так, да? Если мне заплатят, у меня появятся деньги. Если появятся деньги, напиваться станет опасно. Придет бургомистр и прочтет мне нотацию; придет полиция и оштрафует меня; придут соседи просить, чтобы я вступил в сообщество мастеров-резвонников; жизнь моя станет невыносимой, я не смогу пить и петь псалмы... Хотя, конечно, больше не нужно призывать тебя в псалмах, потому что ты здесь... Что я буду петь теперь? Таково было мое прежнее счастье. Ты должен рассказать мне о новом счастье.

– Я не знаю ничего о счастье, висю здесь, в твоей комнате.

– Говори, а то побью! – объявил мастер Брумштейн, доставая хлыст.

– Я правда не знаю! – ответил устрешенный Октавио.

– Ципельбрум знает все! – взревел старик и стал избивать его. Он так усердствовал, что Октавио принялся стонать всеми порами кожи. Эти жалобы еще больше разгорячили сапожника, который, попивая водку и работая хлыстом, грозился хлестать его

не один час. – Теперь я знаю, что делать, когда я пью: избивать моего Господа Ципельбрума!

Этот новый псалом имел не мистический, а чувственный оттенок.

С Октавио что-то произошло. Измученный, он перестал кричать, но голос все рвался из его внутренностей.

– Спасибо, мастер Брумштейн! Голос отныне свободен от моей воли!

Сапожник был в недоумении. Он начал поиски. Через некоторое время он подошел к Октавио и приложил ухо к его телу. Улыбнулся. «Голос должен быть в моей власти!».

Он взял нож, всадил его в тело божества, вскрыл грудь. Октавио хотел было взмолиться: «Ты нашел его, не отнимай его у меня», но у него не было голоса. Тот разливался, свободный, как молодой зверь.

Покинув мертвое тело бывшего хозяина, он бежал комнату, потом выскочил в окно и затерялся вдалеке.

Мастер Брумштейн слышал, как удаляется голос. Он сделал последний глоток, снял со стены труп, затащил его за дом и, перегнувшись через ограду, закинул во двор соседу. Тут же сбежались семеро больших псов.

Укладываясь спать, мастер Брумштейн воскликнул:
– Это был не Ципельбрум!

191. ЛЕНИВЫЙ

Год за годом старый тибетский монах в своем убежище среди снегов вращал, подремывая, молитвенный барабан. Приводимый в движение вялой рукой толстый цилиндр вращался и вращался, вознося к небесам колебания священных букв. Но поскольку Бог поощряет усилия, а не леность, то в час смерти монаха он даровал райское блаженство барабану, а монаха отправил в ад.

192. ПОЛЗАЮЩИЙ МУЖ

Не углубляться в то, что надо мной; не исследовать то, что сильнее меня; не пытаться познать то, что превосходит мое разумение; изучать то, что мне доступно и не заботиться о вещах таинственных? Эта идея не по мне. Я хочу приподнять краешек покрывала. Ясности, будьте добры! И однако же, множество идей приходят мне на ум, но я не прояснил пока ничего. Что это? Его эксперимент? Ловушка? Занятие, чтобы прогнать скуку? Может, надо было реагировать как-то по-другому? Я припомню все факты. Возможно, от меня ускользнула некая деталь, служащая ключом.

Итак, я получил послание от Эмильтика с просьбой приехать к нему, потому что он должен сказать кое-что важное. Я не слишком обеспокоился, так как привык к запискам, призывавших меня, дабы сообщить кое-что важное... Раньше я спешил к его дому, теряя по дороге башмак. (Их приносил потом в черной коробке Мануэль-мануэль, слуга Эмильтика). В пути я переживал насчет того, как до меня дойдут

ценнейшие откровения, ибо я страдаю своего рода слуховым заиканием – то слышу, то не слышу. Я вошел в дом Эмильтика. Он встречал меня, зевая.

– Что за данные?

– О, Йонас Папянский! Я скучал, как обычно, и вдруг сказал себе: «Мы отрезаны от мира... (не слышу) ...осознать хоть кое-что... (не слышу) ...полагая, что эта крошка есть весь хлеб, целиком... (не слышу) ... Твоя жена... (не слышу) ...мы не можем говорить, сын мой.... (не слышу) ...это все!

И он разрыдался на моем плече. Я человек нестойкий. До крайности впечатлительный. Я тоже разрыдался. Так, плача и стелая, мы сидели несколько часов. Внезапно Эмильтик нарушал молчание, зевая:

– Йонасито, мне скучно. Нужно выдумать другую теорию...

И, поцеловав меня в губы, он выпроваживал меня. Я в растерянности возвращался домой и продолжал рыдать, будучи не в силах заснуть. Костиля, моя жена, умоляла:

– Пожалуйста, хватит. Ты залил всю кровать. Мы простудимся...

Но я не мог остановиться. Мы просыпались мокрые и чихали. Кроме того, каждый раз, отправляясь выслушивать новую идею Эмильтика, по возвращении я находил Костилю изменившейся. Я оставлял жену стройной, высокой, голубоглазой, а находил ее толстой, низенькой, с черными глазами.

Обо всех переменах с моей женой рассказать невозможно. К счастью, покрой ее платьев остается

неизменным, хотя цвет меняется – от зеленого к красному, от красного к желтому, от желтого к белому, от белого к зеленому.

Вот почему я не беспокоился из-за послания. И решил не ходить, а позвонить по телефону. Я слышал его прекрасно:

– На этот раз срочно, Йонасин! Давай бегом!

Я человек нестойкий. И я выбежал из дома. Подошел Мануэль-мануэль и протянул черную коробку с детским башмачком:

– Вы потеряли его давно, сеньор. Было нелегко найти...

Я поблагодарил его и продолжил путь. Коробка мешала мне. Я сунул ее в карман. Вот, наконец, и дом Эмильтика. Он бросился мне на шею, потащил в гостиную.

– Вот это теория, Папянский, послушай... (не слышу) ...волшебная!.. (не слышу) ...три абсолютно одинаковых человека, незнакомых друг с другом... (не слышу)... очень, очень личное... (не слышу) ...твоя жена, сын мой!.. (не слышу) ...наше неизменное положение...

– Хватит, Эмильтик! Я ненавижу тебя. С удовольствием бы тебя прикончил. Снова ты заставил меня прийти, только чтобы изложить теорию и развеять свою скуку. Я покидаю этот дом с чувством полнейшего недружелюбия. Прощай.

И я решительно распахнул дверь. Эмильтик не пустил меня. Я вернулся в гостиную. Он уселся.

Я сел ему на колени. Он заплакал. Я слышал его прекрасно:

– Йонас, ты этого хотел. Узнать тайну. Ах, ах!

Я попытался было встать, так как он залил мою шею слезами. Но Эмильтик меня удержал, схватив за брюки:

– Эмильтик, короче. Что за тайна?

– Костиля тебе изменяет!

– Нет!

– Да! Каждый раз, когда ты приходишь ко мне, кто-то пользуется твоим отсутствием, чтобы забраться в постель твоей жены. Так мне сказал гермафродит. В это самое время они, должно быть, уже лежат в вашей супружеской кровати. Застань их врасплох, Йонасильо!

И он вытолкнул меня на улицу. Я побежал к себе, а он крикнул мне, зевая:

– Эй! Подумай над моей сказкой об альпинисте и пилоте вертолета!

Я человек нестойкий. Я остановился и подумал над сказкой.

«Альпинист взбирался по склону три дня, но, дойдя до верха и увидев, насколько красив вид оттуда, решил, что его усилия вознаграждены... Пилот вертолета засмеялся:

– Мне достаточно завести мотор, и я буду наверху через минуту, не тратя бессмысленно силы.

Так он и сделал. Поравнявшись с альпинистом, он крикнул ему:

– Не понимаю, что ты нашел красивого в этом обычном пейзаже!»

Я сказал себе: «Эмильтик прав. Я сам себе затрудню до предела путь к алькову. Не стану бежать, а поползу. Тащась вплотную к земле, я получу наслаждение от мести ценой гигантских усилий». Я растянулся и стал ползти, невольно желая помочь себе конечностями. Но я запретил себе это. Это недозволенный прием. Надо использовать лишь волнообразные движения хребта.

Через несколько часов я был у нашего сада. Рубашка порвана. Газон, видимо, недавно поливали. Я выпачкался и чихал.

Какой вид сейчас прищипала Костиля? И какого цвета у нее кожа?

Моего плеча коснулись носком ноги. Я поглядел наверх. То был Мануэль-мануэль, насквозь промокший. От воды ливрея сделалась прозрачной, и было видно залатанное нижнее белье.

– Ваш башмак, сеньор. Я унюхал его след, вплоть до края колодца, и пришлось нырять туда, чтобы достать его. Мы... (не слышу)... он с левой ноги.

Он подмигнул, показав мне черную коробку. Положил ее у моей головы. Ушел. Я стал толкать детский башмачок и его вместилище лбом, а потому не мог видеть, куда ползу. Так что я вырыл ямку и закопал коробку. Затем пополз дальше. Добрался до окна. Вскарбкался по стене. Залез в дом. И понял, что из-за башмака сбился с пути и приполз к комнате гермафродита.

Гермафродит заметил меня и рванулся ко мне женской половиной, сладострастно изгибающейся, в то время как мужская половина спала:

– Йонас, наконец-то! – раздался его девичий голос. – Я ждал тебя много лет и знал, что ты в конце концов придешь. Ты меня тоже любишь!

Я слышал его прекрасно. Он хотел было поцеловать меня. Я не дался – комната была большой – и ползком направился к двери. Он схватил меня за ногу уже на пороге. Прижимаясь своей единственной грудью, он попытался лечь со мной. Увидел, что я весь в грязи:

– Бедненький, как тебе плохо с Костильей. Это потому что... (не слышу) ...помыться.

Он пошел в ванную за водой и мылом. Снова я попытался достичь двери. Уже на пороге он уцепился за мою ногу, поволок меня на середину комнаты и раздел меня. Стал намыливать. Пена, покрывшая лицо, мешала мне дышать. Напевая грудным голосом, он завернул меня в полотенце. Он вытирал меня с такой силой, что едва не содрал кожу. Я хотел закричать, но не смог. Наконец, он закончил меня тереть и взял за шею.

– Отныне, мой Йонас, мы всегда будем вместе, – я слышал его прекрасно.

И он кинулся на меня. Я пропал. Что же делать?

В окно влетела черная коробка. Показалась голова Мануэль-мануэля. Он вернулся, чтобы подобрать башмак!

Гермафродит выпустил меня и гневно обернулся – спросить, кто это такой. Я пополз к двери голый, с невероятным усилием. Я выбрался вовремя, ускользнув от его руки, собиравшейся схватить меня снова. Он сломал себе длинный ноготь, выкрашенный зеленым. Я быстро удалился по коридору.

Его огромное тело сотрясилось от рыданий. Он прокричал:

– Ты убил во мне женщину! Теперь я буду мужчиной и никогда... (не слышу).

Женская половина его заснула. Мужская же закрыла дверь, глядя на меня с безразличием.

Я добрался до нашего семейного обиталища. Дверь была открыта. Я осторожно пополз внутрь, добрался до кровати и лег в нее. Моя жена была с каким-то бородатым господином, удивленно посмотревшим на меня. Я не знал, кто это, но тело его показалось мне до крайности знакомым. Я не понимал, что делать. Костилья, вместо того, чтобы помочь мне, совершенно пала духом. Я решил вынуть визитку из бумажника и вручить ее со всем возможным достоинством.

Незнакомец взял визитку и сунул ее под подушку, не сказав ничего. Прошел час. Он упорно молчал. Я не осмеливался нарушить ход его мыслей. Костилья была вся сухая, будто покойница. Прошел еще час. Это делалось уже невыносимым, мужчина же, судя по всему, разговаривать не собирался. Еще два

часа. Я восхитился спокойствием самозванца. Я человек нестойкий. И поэтому восхитился.

Тело Костиля начало вздуваться. Протек еще час. Костиля все увеличивалась в размерах. Еще час, и нам обоим пришлось ухватиться друг за друга, чтобы не упасть. Мы были на самом краешке кровати.

Внезапно – уже сдуваясь – жена провыла:

– Один плюс один плюс один равняется трем!

Словно подброшенные матрацными пружинами, мы с бородачом вскочили, стали бить друг друга в живот, царапать грудь, кусать нос. Мы терзали друг друга строго симметрично.

Жена все выла. Мы занервничали. Собрали силы и, вцепившись друг другу в горло, стали душить. Но кое-что заставило нас прекратить схватку: борода оторвалась, и показалось лицо Эмильтика. Как ни в чем не бывало, он сказал, зевнув:

– Не углубляйся в то, что над тобой; не исследуй то, что сильнее тебя; не пытайся познать то, что превосходит твое разумение; изучай то, что тебе доступно и не заботься о вещах таинственных.

Я слышал его прекрасно.

Множество идей приходят мне на ум, но я не прояснил пока ничего. Мы оставались все трое в постели, молчаливые, неподвижные. Половина тела Костиля похожа на мое тело. Другая – на тело Эмильтика. Между этими половинами нет никакой разницы.

Хотел ли Эмильтик проверить некую теорию? Может, это эксперимент, и он провел его от скуки? Может, надо было реагировать как-то по-другому? Нет, это бессмыслица. Должно быть объяснение! Припомнить все факты... Возможно, от меня ускользнула некая деталь, служащая ключом.

Ему сказали, что, посетив некую пещеру в Андах, он встретит старую знахарку, и та может сказать ему, справившись с книгой, когда именно он умрет.

После долгих размышлений он решил навестить старуху. Та достала из черепа, украшенного кусочками дерева, маленькую книжечку и сообщила роковую дату: ему оставалось жить два года.

Пришелец издал тяжкий стон. Затем недоверчиво улыбнулся:

– Бабушка, как это возможно, чтобы в этой крохотной книжечке были даты смерти миллионов человеческих существ, населяющих Землю?

– Сын мой, на самом деле здесь лишь имена тех немногих, кто осмеливается прийти ко мне и спросить.

194. ЗАГАДКА ВРЕМЕНИ

Когда путник обернулся и увидел, что дорога сзади выглядит нетронутой, он понял, что его следы не тянутся за ним, а предшествуют ему.

195. ЛУЧШИЙ ИЗ ВЕЛОСИПЕДОВ

Юноша часто ездил с друзьями за город на велосипеде. Ему нравились пахучая земля, зелень лугов, роскошные краски цветов. Однажды он сказал себе: «Я усовершенствую свой велосипед, чтобы объехать на нем весь мир!». И он стал работать без устали, приделывая к велосипеду могучие колеса, новые механизмы. Потом его амбиции простерлись дальше: «Он будет лучшим в мире!». И у велосипеда появились мощный двигатель, фары, светившие на километры вперед, острые защитные приспособления. Несложный вначале велосипед сделался больше дома. Юноша состарился от постоянных усилий и начал украшать машину золотыми пластинками. «Пустые побрякушки, зато все обзавидуются!».

Однажды весенним утром его навестили друзья:

– Поехали за город, подышим воздухом.

В темной мастерской, среди паров бензина, не отрываясь от позолоченного монумента, уже неспособного ездить, старообразный человек ответил:

– Не могу! Я должен охранять свой велосипед! – и дом заполнился звонками, выстрелами, звуками сирены. В окно он увидел, как велосипедисты весело выделывают разные фигуры, и ненавидяще воскликнул: – У них нет ничего, и рано или поздно они украдут мой велосипед! Лучше уж сразу застрелить их!

Когда настала ночь, мать с отцом подняли крышку гробика и разбудили сына, чтобы рассказать ему в очередной раз о смерти его бабки и деда: они оставались за пределами замка дольше положенного, и их испенелил солнечный луч. Мальчик, показав большие клыки, воскликнул: «Я отомщу за них! Возьму и потушу солнце!». Он проделал дыру в стене, просунул в нее плаги и пустил струю воды в сторону светила. Хотя она достигла небывалой высоты, попытка не удалась. Но ребенок продолжал свою борьбу. «Ты кажешься далеким, но я доберусь до тебя!» – грозил он солнцу. Родители начали посмеиваться. «Ты с ума сошел, ничего не выйдет! Тысячи лет солнце делало из нас горстку праха, и кто ты такой, чтобы спорить с этим величайшим костром?». Мальчик не обращал внимания. Он соорудил повозку со стеклами, не пропускавшими света, и доставил несколько тысяч литров воды на вершину горы, чтобы пустить струю оттуда. Неудача. Но он продолжил поиски решения.

В разгар дня, под прикрытием одного лишь навеса, он выпустил смертоносную ракету, которая взорвалась в стратосфере, но до солнца не долетела. Отец и мать обрадовались: «Ура! Наш сын потерпел неудачу! За непослушание мы должны выгнать его из замка! Почему он не поступает, как мы?». После тысячи бесплодных попыток юный вампир, глядя на солнце, светившее как никогда ярко, заплакал: «Вы правы: я никогда не потушу солнца! Теперь мне все равно, жить или умереть!». И он раскинул руки, чтобы лучи не обласкали его, а сожгли. Ничего не случилось! В печальном сумраке крепости старики вампиры нахмурились: «Наш враг не покарал его! Он сделался неуязвимым для солнца! Вот это везение!».

197. БЕЗУМЕЦ И ОТШЕЛЬНИК

Устав от города, человек взял посох, котомку с хлебом и пошел по лесам, горам и долинам. Шипы изодрали в клочья его одежду, солнце вычернило лицо, а камни порвали подметки. Он же беззаботно гонялся за бабочками, желая порхать, как они. Жалкий вид его скрашивался улыбкой на лице. И такая радость была на нем написана, что мошки ударялись о его зубы, принимая их за светильник.

Однажды ночью безумец проходил мимо трухлявого ствола, в котором жил отшельник. Увидев его, старик обеспокоился: «Этот человек идет, не глядя под ноги. Земля же покрыта волчьими ямами и колючками, изрыта оврагами. Надо выручить его!». И отшельник предложил безумцу свой фонарь. Тот захотел схватить пламя, веря, что это бабочка, только ярче других, обжегся и отбросил фонарь. Анахорет, упорный, как все мудрецы, желающие непременно завершить начатое, покинул свое убежище и пошел перед сумасшедшим, освещая ему путь.

Через какое-то время он оглянулся и понял, обескураженный, что безумец уже не следует за ним. Отшельник обнаружил, что тот тонет в болоте, причем собственное спасение волновало безумца меньше, чем судьба светлячков, зажатых в его кулаке. Старик протянул ему сук, вытащил, вымыл, высушил, и когда безумец снова пустился в путь, стал освещать ему дорогу, но на этот раз пятясь спиной вперед. Они подошли к глубокому оврагу. Не имея глаз на затылке, отшельник свалился в лощину. Безумец же, по-прежнему улыбаясь, пустился в лес за глупым блуждающим огоньком.

198. КОГТИ АНГЕЛА

(порнографический рассказ)

Похороны моего отца длились много часов: покойник порывался встать из гроба и плясать со своими вдовами. Шестеро охранников подавили его припадочное сопротивление и закрыли крышку. Я вернулась в город одна.

Я знала, что дом моего детства покинут, но все же направилась к нему, ибо меня призывал сильный запах семени из его раскрытых окон.

Я не пользовалась тампонами, но менструальная кровь, вместо того чтобы вытекать, кристаллизовалась у меня во влагалище в виде красного бриллианта. Возле закрытой двери меня ждал отец. Я подняла юбки и отдала ему в руки свой ступок.

Полный векового томления, он поднялся в воздух, и тут же, изувеченный, пролил на меня кровавый

дождь. «Когти ангела! Теперь ты неуязвима и можешь исследовать минувшее», – сказал он мне. Голос шел из раны между ног, напоминавшей открытый рот.

Когда я сломала печать и открыла дверь, мир позади меня исчез. Я была обязана двигаться вперед или навсегда остаться там, касаясь ступнями края бездны, истерзанная собственными желаниями, девственная, пригвожденная к порогу, находя наслаждение в бессилии, не осмеливаясь познать тайны, заключенные в бесчисленных комнатах дома... Я осталась бы там навечно, парализованная страхом, фарфоровая марионетка с обрезанными нитями, недоплюха, пылающая внутри ледяной оболочки, богиня с тяжелыми грудями, ведающими лишь касание пальцев своего тела, с меланхолическим желанием в душе: вонзить иголки в мужские яички.

Ураган, перенесший меня в дальнюю комнату, – это дыхание отца. Да сбудется отцовская воля – в его разуме и в моей плоти!

Войдя в бывшую спальню, я перестала быть зрительницей. Две женщины, холодная и горячая, ласкали друг друга на матрасе, в котором жужжал рой пленных пчел... Я взяла себя на руки и в то же время отдавалась себе... Одно мое тело приносило наслаждение, другое получало его... Я хотела взять из груди своей дочери молоко, которое сосала в детстве... Я предложила матери свои груди и рот, но дождалась

от той не поцелуя, а укуса... Я боролась с собой, чтобы не пожрать себя.

Половина меня – рабская половина – склонилась, подставляя мне спину, на которой было вытатуировано мое жалкое прошлое. Я изъела у нее из затылка средоточие сознания, заключавшее в себе все пределы: ключ в форме бесконечности. Теперь передо мной должно было открыться настоящее, уверенно, как цветок.

Побеждая страх перед тварью, я понемногу открывала свое лоно. Вода для увлажнения и смазки сперва текла прозрачной струйкой, затем, когда губы растворились полностью, стала мощным потоком. То был беспредельный океан, разлитый в моей вагине.

Еще надо было переступить через земные законы, научившись питаться своими испражнениями и мочой. Я не могла сделать это сама. Тогда явился мужчина, познавший утонченность нечистого. Кто он был? Мой отец, мой близнец, мой идеал, отражение моих собственных мужских качеств? Под маской, обрекавшей его на молчание, не скрывался никто. Все в нем было наружным, как подобие бога. Вся таинственность дома ушла на его потребу, и мне открылся секрет. Сперме больше не надо было покоиться во мраке: она выступала на его члене, словно белая радуга. Мой язык сделался учеником этого строгого Наставника.

Он избавил меня от ужаса, с детства угнездившегося в моем животе: давая мне грудь с кислым молоком, моя мать бросала, среди яростного воя, словечко «Воровка!»... Мне удалось пронзить каждую свою грудь двумя иголками в виде креста, чтобы подставить их бесстыдно под обожающий, нереальный поцелуй.

Наставник взглядом объяснил мне: «Если хочешь стать той, кто ты есть взаправду, сперва согласишься, что твое тело заражено образом родительницы». Да, это так: моя мать, не сознавая, что жила в рабстве, в забитости, с ампутированным желанием, навязала мне свое поведение.

Наставник приказал мне поставить пломбу на клитор и вдевать четыре кольца в пахучие нижние губы. Когда я навеки избавлюсь от наваждения, отдав тело на произвол своих прихотей, – только тогда я должна снять их.

Мне следовало отыскать на его животе нужное место, вогнать туда длинную булавку, протыкая плоть, внутренности, вонзая еще глубже, до самого жизненного центра: отчасти это значит ласкать смерть, не пробуждая ее... В критический момент, когда Наставник достигнет высшего наслаждения от величайшей боли, из щелочки на его мужском органе вырвется белый, вязкий крик жизни.

Пока агонизирующие головастики семени ударялись о стены черного мрамора, ища несуществующий выход,

внутренний голос сказал мне: «Когда теряется лицо, теряется страх».

Потеряв свое «я», я получила маску, и эта безличность стала для меня символом старинных традиций. Теперь я сравнивалась с Наставником.

Наши языки сплелись, как слепые змеи, из глубины истории до нас дошли громовая дрожь мириад сердец, сорванных с вершины пирамид, и возбуждающий аромат людской крови. Я ощупала его фаллос с почтением, какое питаешь к оружию убийства. Он стал ласкать меня ацтекским языком, вскоре превратившимся в ланцет.

Под лицом, уже ставшим маской, я оставалась никому неведомой, окутанной спокойствием моего черепа. С моих пальцев исчезли лабиринты линий, словно сдутые настойчивым ветром. Поскольку я была пустой, словно чаша, вылизанная множеством языков, то могла заполучить в свою ладонь живой скипетр непонятной власти. Его сила пропитала мои клетки и сделала меня глухой к пению сирен старой морали.

Я, изведавшая, как жертва, каждую благословенную ступень боли, теперь могла стать палачом. Вот доказательство: я заканчивала обрезать свои нижние губы без посторонней помощи.

За моей спиной дух человека, раньше меня достигшего безличного наслаждения, побуждал меня

устранить малейшую тень жалости, которая могла затмить жестокое солнце – им сделалась моя душа.

В полном учеников амфитеатре, где медицина показывала свой ядовитый лик, Наставник велел мне отрезать ему член, а затем вставить, как трофей, в мое лоно.

Итак, я была рядом с ним; он потрясал окровавленным скальпелем. Теперь его органы принадлежали мне. Собрание людей в масках, извращенных от чрезмерного знания, рукоплескало, ожидая свершения последнего ритуала.

С неодолимой силой я нажала ему на плечо – так, что колени его согнулись. Я заставила его коснуться лбом земли, запятнанной сгустками крови, спустила ему брюки, выставила на обозрение молочные ягодицы, сильно надавливая бедрами, изнасиловала его в зад, – тот раскрылся, как томный цветок с розовыми лепестками, навстречу вершащему справедливость копыю.

Все закончилось. Я узнала наконец, что под масками множества людей скрывалось одно лицо: лицо моего отца... Мой живот понемногу засасывал отрезанный член, пока тот не превратился в вагину. Я больше не боялась быть взрослой. Девочка, владевшая мной, перестала управлять моей жизнью. Я сама стала Руководителем.

Хлыст, палка, булавки, расправа с чувствами, беспощадная суровость, – все это сделало из моей девочки современную женщину, свободную от слабости,

сообщаемой воспоминаниями. Образы прошлого стали так же неважны, как сухие листья... В моей школьной программе значилась одна тема: обучение жизни. И был один преподаватель: я сама. Ежедневно я изучала одну фразу: «Сегодня – дисциплина».

Считая, что отправляют безжалостные ритуалы своих предков, они ступали на мой волшебный ковер, чтобы подчинить своей воле; мое повиновение было единственной доступной им радостью.

Коленопреклоненные, связанные веревками, они дрожали от страха передо мной, ибо знали, что я в любой момент, меняя правила игры, могу поглотить их души.

Отныне я могла пуститься в обратный путь. Хотя дверь была прочно заперта, стены начинали рушиться, предвещая крушение и реку обломков, которая унесет меня во внешний мир – мир других. Тело мое сочилось кровью... кровью мужского органа отца. Моим завершающим освобождением будет избавление от этого красного щита. Теперь я могла сама добиться неуязвимости.

Я появилась на свет, точно раковина моллюска, рожденная девой. Медленно я брела по деревне, отвечая щедростью на жадность простолюдинов, которые с младенческими стонами лизали мои груди. Я пришла к кладбищу: на могиле моего отца какой-то юноша поставил кровать.

«Я искал тебя сквозь бесчисленные смерти», – сказал он. Поцеловав юношу, я заметила, что волосы его превратились в перья. На голове выросли два крыла. Деревья стали заполонять пространство между могилами. Вскоре мы были окружены девственным лесом. Тысячи птиц вместо пения издавали крики удовольствия.

Мое зрение, мой слух, мое обоняние, мое осязание, мои кости, моя сущность, – все нашло продолжение в моем языке.

С его помощью я взмолилась, ласково упрашивала, пока ангел не омыл мне лицо своим белым глаголом.

Я поняла, что мужской член – не оружие, а орудие наслаждения. Он встает не чтобы проникнуть, а чтобы стать поглощенным.

Научившись быть свободной, я могла принять его. Я обратилась в прожорливую бездну.

Я покрыла его, зная, что под ним лежит не только мой отец, но мои бабка с дедом, и дальше вглубь – мои предки, вплоть до идеального образца, первого человека, сотворенного из глины.

То, что мое лоно глотало, испытывая неизъяснимую усладу, протягивало корни через плоть, червей, кости, прах, в поисках творящего дыхания. Через него я любила всех мужчин и, в конечном счете, – Господа. Когда семя Вечного проникло в каждую мою клеточку, экстаз был таким бурным, что прошлое-

настоящее-будущее убежало, как черная собака, оставив меня лежать белым яйцом в женском облике. Я избавилась от мира видимостей.

Природа, очищенная, стала пустыней. Я могла осознать, что, хоть и освобожденная от памяти, я все еще не выбралась из более древней ловушки под названием «вес». Вес этот делал меня сестрой скал.

Я стерла изначальную заданность и навсегда оторвала ноги от земли.

Новые энергии наполнили мое существо, они шли из иного измерения, которое до того оставалось невидимым для меня. Я начала превращаться в ту, которой всегда была. Белая скорлупа раскололась на тысячу кусков. Я вытянула мои сверкающие мембраны. Я утратила жалкий людской язык. Мое горло... узнало... новые...

Ghan odn ar dbir vahnis dgug dgyud hgzor bzan
hdren seeh ehrsta suram satah!